

The book cover features a dramatic space scene. In the upper left, an astronaut in a white suit floats amidst a field of dark, irregularly shaped asteroids. In the upper right, a spacecraft with a dark body and a bright orange engine plume is shown. The bottom half of the cover is dominated by a large, intense fireball or explosion, with bright yellow and orange flames and swirling patterns. The background is a deep black space filled with distant stars.

Звёзды нового неба

Илья Щмей

Илья Шумей

Звезды нового неба

«Accent Graphics communications»

2016

Шумей И. А.

Звезды нового неба / И. А. Шумей — «Accent Graphics communications», 2016

У Судьбы исключительно своеобразное чувство юмора. И когда над Человечеством нависла угроза неминуемой гибели от взрыва сверхновой, ее трясущийся от смеха палец оказался нацелен прямо на меня — обычного студента, решившего подработать связистом на древней орбитальной драге. Воссоединить некогда разделенный род людской, разработать безумный план спасения Земли, пробиться через бесчисленные бюрократические и организационные препоны на пути его реализации — что может быть проще!? Разве что побороть тошноту от невесомости...

© Шумей И. А., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Часть 1 – Потрошители планет	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Илья Шумей

Звезды нового неба

Часть 1 – Потрошители планет

Я никогда не верил в Судьбу.

Сама мысль о том, что все мои поступки, мысли и чувства предопределены и расписаны, как заранее подготовленная программа корпоративной вечеринки, представлялась мне глубоко антипатичной и даже мерзкой.

Какой смысл суетиться и дергаться, когда все уже давным-давно известно? Любая судорога моего брэнного тела, любой порыв моей грешной души распланированы вплоть до мельчайших деталей на многие годы вперед. И что бы я ни делал, как бы ни старался изменить ход событий – все тщетно. Каждое мое действие, каждый кажущийся на первый взгляд импульсивным поступок лишь вливали свои капли в общий поток, безостановочно льющийся на мельничное колесо Жизни. Даже и пробовать не стоит.

Но я все же пытался, хотя ничегошеньки путного из моих экспериментов никогда не получалось. Скорее наоборот. Всякая моя идея, казавшаяся изначально чертовски удачной и своевременной, по мере того, как я начинал воплощать ее в жизнь, постепенно теряла флер оригинальности и перспективности, из под которого все явственней проступали очертания откровенного идиотизма. И в тот самый момент, когда откат назад становился уже невозможен, бредовость моего замысла становилась абсолютно очевидна.

Я даже вывел своего рода правило – как только мне начинает казаться, что я знаю, с какой стороны надо намазывать масло на хлеб, и с какого конца подходить к лежащим на земле граблям – жди беды. Однако правила, как известно, существуют для того, чтобы их нарушать, и я занимался этим со всем мыслимым усердием и с неизменно предсказуемым результатом.

Так что, хотя я и не верил в Судьбу, это никоим образом не мешало мне ее ненавидеть.

И в данный момент я в полном, нет, *наиполнейшем* объеме вкушал результаты своих воистину героических трудов. Если бы я только мог, то немедленно провалился бы под землю, ну или этажом ниже, по крайней мере. А особенно невыносимой ситуацию делало то, что в глазах сидящего напротив меня человека я читал ничуть не меньшую боль.

Ведь объяснять идиоту, что он – идиот, тоже занятие не из приятных.

Он протянул руку и плавным, неторопливым движением взял со стола стакан, плеснув в рот точно рассчитанную дозу сока, разведенного из сухого концентрата. Могло показаться, что он намеренно тянет время, стараясь отсрочить неприятный момент, но я уже успел усвоить, что в условиях пониженной гравитации людям вынуждено приходится быть столь неспешными, иначе весь напиток окажется разбрызган по Вашему лицу и по стене за спиной. Здесь, на орбитальной станции, силы тяжести хватало лишь для того, чтобы, проснувшись утром, Вы могли более – менее уверенно отличить пол от потолка, а проглоченная еда понимала, куда ей двигаться дальше.

Осторожно опустив стакан обратно на стол, он поправил задравшийся рукав пиджака и с некоторой обреченностью во взгляде посмотрел на меня. Надо сказать, что кроме него я больше не встречал здесь ни единого человека, который носил бы костюм. Неизвестно, что являлось причиной такого выбора, но солидности его виду это не добавляло. Напротив, подобный наряд делал его белой вороной, Дон Кихотом, сражающимся с утилитарностью в угоду традиционным ценностям. А судя по исключительно скромной обстановке кабинета, да и по его соседству с непрерывно гудящей вентиляционной установкой, бизнесу такая манера одеваться также не особо способствовала.

– То есть, если я правильно понял, бригады у Вас нет? – повторил он свой последний вопрос.

– Угу, – я сглотнул, – но мне сказали, что...

– И у Вас нет опыта работы в составе вахты на орбитальной драге.

– Я думал.

– Молодой человек, – в какой-то мере я был ему даже благодарен за то, что он обрывал мои сбивчивые попытки объясниться, – поймите меня правильно. Лично против Вас я ничего не имею, и Ваш энтузиазм мне импонирует, но Вы выбрали исключительно неудачное место для применения своих талантов.

Наша специальность – орбитальное бурение. Бизнес серьезный, деньги большие, и заниматься благотворительностью нам не с руки. Все наши драги работают по вахтовому принципу и в данный момент полностью укомплектованы. Каждая бригада состоит из трех-четырех человек – пилот, техник, связист и, возможно, еще кто-нибудь, врач, например. Каждый из них должен в совершенстве знать свою часть работы и уметь справляться с любыми ситуациями, поскольку дублеров у нас не предусмотрено. Фирма не может себе позволить тратить время и средства на подготовку специалистов из вчерашних студентов и на формирование слаженных команд. А потому мы нанимаем только уже готовые бригады из опытных профессионалов. А Вы.

Он ткнул в мою сторону пальцем и лихорадочно зашарил взглядом по сторонам, подыскивая нужные слова.

– Знаете, это то же самое, как купить для своей машины одну-единственную зимнюю покрышку, – удачная аналогия заметно его приободрила, – сама по себе она – штука хорошая, но вот толку от нее в хозяйстве – ноль. Так что. сами понимаете.

– И что же мне теперь делать? – глупый вопрос, согласен, но ничего другого мне в тот момент в голову не пришло.

– Я абсолютно уверен, что в других конторах, эксплуатирующих орбитальные драги, Вы получите точно такой же ответ, так что даже не пытайтесь, – он бросил взгляд на часы, – тем более что сегодня их офисы уже все закрылись. Сейчас Вам лучше всего будет немного передохнуть, у нас есть пара свободных кают. А завтра...

Мой собеседник медленно поднялся из-за стола, придерживаясь рукой за подлокотник кресла, чтобы ненароком не взлететь к потолку.

– А завтра садитесь на первый же челнок и возвращайтесь на Землю.

Если хотите моего совета, то лучше уж попытайте счастья в фирмах, выполняющих пассажирские или грузовые перевозки – у них во всех экипажах по два пилота и по два связиста. Может, и возьмут Вас стажером. Потом, когда поднаберетесь опыта, обростете полезными знакомствами, приходите снова – поговорим. Не пытайтесь прыгнуть сразу через несколько ступенек – только ноги переломаете.

Повинуясь нажатию кнопки на коммутаторе, в дверях беззвучно возникла секретарша.

– Кать, найди этому молодому человеку свободную каюту. До завтра пусть у нас перекантуется, а там видно будет, – мужчина взмахнул рукой, отпуская нас, – и посмотри с утра, есть ли еще места на челнок до Новосибирска.

– Хорошо, – девушка кивнула и жестом предложила мне следовать за ней.

Я был уничтожен. Я был раздавлен и растерт в пыль. Двигаясь как сомнамбула и не замечая ничего вокруг, я проследовал за моей провожатой. Меня мотало от стены к стене, и все мои попытки хоть как – то упорядочить это броуновское движение приводили лишь к новым синякам. Не-е-е, таких не берут в космонавты!

Секретарша ловким и ненавязчивым движением, точно бильярдный шар в лузу, загнала меня в дверь каюты, сунула мне в руки запечатанный продуктовый паек и удалилась. А я остался, полон невеселых мыслей и тревожных предчувствий. Пак я положил на стол, под-

сунув его под одну из резиновых лямок, чтобы не сбежал, сумку бросил на пол, и пока она неспешно падала, а потом еще некоторое время прыгала под столиком, уселся на кровати, вцепившись в ее край руками.

Есть совершенно не хотелось. У меня было такое впечатление, что завтрак до сих пор торчит где-то в районе пищевода, так за весь день и не сдвинувшись с места.

Мрак! Все-таки горбатого только могила исправит, это точно. Ну когда же, когда я начну хоть немного критически относиться ко всему, что говорят другие!? Тем более к тому, что рассказывает Серега! Не то, чтобы он все врал напропалую, но ведь прекрасно известно, как он любит все приукрашивать. Тут о чем-то умолчит, там что-то добавит, и уже готова очередная байка о его героических похождениях. И насчет прошлогодней вахты на орбитальной драге он наверняка рассказал *не все*. А я и купился! Быстрых денег захотел! А вместо этого – только расходы; на билет до орбитальной платформы я потратил почти все, что у меня было.

Как же все просто и красиво выглядело по его словам: прилетел, зашел в офис, только рот открыл, как к тебе сразу все бросаются и начинают наперебой зазывать в команду. А тебе остается лишь делать скептическое лицо и набивать себе цену. Нет, однозначно, когда вернусь – устрою Сереге головомойку! Ведь наверняка у него все было схвачено и оговорено заранее, и летел он на уже подготовленное место со всеми требуемыми рекомендациями в кармане. Ну кому, действительно, нужны люди с улицы, тем более студенты?

Ну и попляшет же он у меня... хотя...

Черт! При здравом размышлении, идея организовать Сереге хорошую взбучку оказалась не столь уж и замечательной. Стоит ему только узнать, как я бездарно повелся на его треп, как он немедленно сделает мою историю достоянием всего института! Первокурсники потом у меня автографы брать будут. Нет уж, дудки! Возводить свой позор в квадрат я отнюдь не собирался. Ничего не попишешь, придется проглотить обиду и тихо помалкивать, иначе.

Насчет того, что будет в противном случае, даже фантазировать не хотелось. На душе и без того было паршиво до невозможности.

Я раздраженно оттолкнул от себя запечатанный паек, который, выскочив из-под удерживавшей его лямки, отлетел аж до самой стены, и растянулся на койке, стараясь не обращать внимания на очередной приступ головокружения. Невеселые мысли продолжали хозяйничать в моей голове, но усталость и напряжение последних часов, в которые оказалось запрессовано столько событий, вскоре взяли свое. Я перевернулся набок, не рассчитав при этом силы и чувствительно ударившись локтем о край столика, потер ушибленное место и сразу же провалился в сон.

Несколько секунд я ничего не мог понять. Было уже светло. точнее, еще светло, то есть, тьфу, я так и не выключил свет, когда ложился. Мне казалось, что я успел подремать от силы минут десять, не больше, глаза наотрез отказывались открываться. Брошенный на часы взгляд, однако, утверждал, что я проспал четыре часа.

В дверь снова заколотили.

– Олег, открой!

– Что? Кто это? – я помассировал лицо в тщетной попытке хоть немного взбодриться, – что случилось?

– Это я, Гершин, – в памяти всплыл тот самый человек в костюме, что давеча спустил в унитаз мой горячий энтузиазм, – есть разговор.

– Сейчас, – пригладив ладонью топорщащиеся волосы, я осторожно поднялся на ноги. Спать хотелось страшно, но интересно же, о чем это ему вдруг так сильно захотелось поговорить со мной посреди ночи.

Дверь я на ночь не запираю – лень было – а потому просто немного сдвинул ее в сторону и высунул голову в коридор.

– Что стряслось?

Гершин, в отличие от меня, спать, похоже, вообще не ложился. Он был все в том же костюме, и ни один волос в его полупрозрачной шевелюре не изменил своего положения со времени нашей последней встречи.

– Я нашел тебе работу.

– То есть? – я еще не до конца проснулся и соображал с некоторым запаздыванием.

– У нас образовалась вакансия связиста на одной из драг, так что вот твой контракт, – он протянул мне планшет, который держал в руке.

Ах, вон оно что! Я облегченно перевел дух. Это же сон! Мечтания о карьере космического рудокопа столь сильно завладели моим умом, что продолжали преследовать меня даже в царстве Морфея. Что ж, бывает.

И не такое еще присниться может, хотя...

Что-то подспудно подсказывало мне, что все происходящее не пригрезилось, а происходит наяву. Да и ушибленный вечером локоть болел очень даже натурально.

– Но Вы ведь говорили, что...

– Поступил срочный заказ, а в дежурной бригаде как назло связист приболел, – он усмехнулся, – так что радуйся, такая удача не каждый день случается.

– Как-то все это очень уж... неожиданно, – я нерешительно взял у него из рук планшет.

– У Судьбы нет расписания, ты же знаешь.

– Да, но...

– Ты что, не рад?

Действительно, ситуация вырисовывалась парадоксальная. В тот самый миг, когда все то, о чем мечтал еще пару часов назад, было готово стать явью, я вдруг заколебался, и мысль сесть утром на первый же челнок и отправиться восвояси уже казалась мне более разумной.

– Я даже не знаю, – пытаюсь скрыть растерянность, я сделал вид, будто изучаю контракт, – мне подумать надо.

– А что тут думать? Ты искал работу – вот она. Или тебя условия контракта не устраивают?

– Я еще не все прочитал.

– Это стандартная форма для разовой работы. Срок – один месяц с возможностью продления на тех же условиях, на выходе – пятьдесят четыре тысячи «чистыми».

Звучало все, действительно, предельно ясно и понятно, да и перспектива заработать за месяц почти годовую стипендию выглядела более чем привлекательно. Вот только я уже вдоволь наслушался леденящих кровь историй о тех несчастных, что не глядя подмахивали такие выгодные на первый взгляд контракты. Я пролистал документ до конца. Здесь уже были забиты все мои паспортные данные и ссылки на биометрию. Интересно, где Гершин взял все эти сведения. Я же ему свои документы не предъявлял, хотя... данные с паспорта можно ведь считать и без ведома владельца. Сканер иногда прямо в дверной косяк встраивают. Невежливо, конечно, но если время не терпит, то почему бы и нет. Ладно, пусть так, но почему же Гершин явно нервничал? Из-за этого момента или по какой-то другой причине?

– А почему такая спешка? – осторожно поинтересовался я.

– Да говорю же тебе – срочный заказ! Если замешкаемся, большие деньги могут к конкурентам уплыть! Или ты думаешь, я тебя обжулить хочу? – он словно прочитал мои мысли, – брось! Тут, на станции, мы все как на ладони. Попытайся я мутить какие-нибудь противозаконные делишки, быстренько бы оказался в местах куда более приземленных. Так что на сей счет не переживай, все наши контракты стандартные, можешь даже отослать копию своему знакомому юристу, если хочешь. Лучше уж хватай свою удачу за хвост, пока она не упорхнула.

– А когда отправляться к месту несения службы?

– Прямо сейчас.

– Сейчас!? – я вытаращил на него глаза, – посреди ночи!?

– На орбите земное время не действует. Здесь к нему апеллируют только лентяи и бездельники, – Гершин нахмурился и протянул руку за планшетом, – или ты тоже. из таких?

Чего-чего, а прослыть бездельником в самом начале карьеры мне совсем не улыбалось. Тем более неудачником. Я выдернул стило из держателя и занес его над экраном.

– Где подписывать?

– Отличненько! – планшет с моей подписью буквально выпрыгнул у меня из рук, – хватай шмотки и помчался.

– Уже!? – я и не думал, что Гершин, говоря «прямо сейчас», выражался настолько буквально.

– Естественно! – он втолкнул меня в каюту, – тебя уже ждут.

Сборы получились недолгими. Мне требовалось только подхватить с пола сумку, и я был готов. В последний момент я еще сунул в нее упаковку с пайком, которую вчера вечером так и не открыл. Кто знает, когда теперь в следующий раз кормить будут.

Меня вновь поволокли по коридору, только на сей раз уже не столь галантно. Гершин в своих «липучках» бодро семенил впереди, а я послушно следовал за ним, мотаясь от стены к стене как воздушный шарик. Мы вбежали в центральный хаб, куда сходились все коридоры, и нырнули в ожидающий нас лифт.

Закрывшиеся двери плотоядно чмокнули, и ускорение разгоняющейся кабины прижало нас к полу. Я снова обрел почти привычный вес, но счастье длилось недолго. С мягким толчком я подлетел в воздух и стукнулся головой о фетровый потолок. Все мои внутренности дружно сорвались со насиженных мест и спутались в комок, ткнувшийся снизу мне в горло. Теперь лифт летел по инерции, и мне волей-неволей пришлось в очередной раз вспомнить, как же я ненавижу невесомость.

То открытие стало, пожалуй, самым жестоким разочарованием в моей жизни. С младых пеленок я, глядя на то, как кувыркаются космонавты, мечтал, что когда-нибудь буду точно так же, подобно бабочке, порхать, освободившись от пут земной гравитации. В своих снах я плавал по коридорам орбитальных станций, и с замирающим от восторга сердцем верил, что рано или поздно мои сны станут явью. Все мои мечты, однако, оказались безжалостно разбиты суровой правдой жизни. Первый же экскурсионный полет грубо и бесцеремонно поставил меня на место, и в то время как остальные любовались открывающимися в иллюминаторах видами, я был вынужден изучать содержимое своего гигиенического пакета.

Да, человек к невесомости привыкает не сразу, и неприятные ощущения в той или иной степени переживают почти все, но мне, похоже, повезло больше прочих. Потом я летал еще пару раз, чуть ли не через силу, да и то лишь для того, чтобы выяснить, что более-менее сносно могу терпеть это состояние только с пустым желудком и будучи крепко пристегнутым ремнями к сиденью. Терпеть, но не наслаждаться.

Глядя на мое позеленевшее лицо, Гершин, похоже, начал что-то подозревать, но поворачивать назад было уже поздно. Он, вздохнув, ухватил меня за куртку и перевернул вверх ногами, после чего перевернулся и сам. Я крепко вцепился в поручень и прижал свои ноги к потолку (или к полу?), чтобы обрести хоть какую-то ориентацию в пространстве. Вскоре кабина начала торможение, и мне стал понятен смысл этих кувырканий, а также и то, зачем все надписи рядом с кнопками на панели управления были нанесены по два раза – нормально и перевернуто.

Лифт остановился, и я, утратив бдительность, отцепился от поручня и вновь поплыл по воздуху. Здесь, на причальном уровне, отсутствовало даже то жалкое подобие гравитации, что имелось на жилых палубах. Где-то за стенкой глухо лязгнул захлопнувшийся герметизирующий клапан, послышался глухой вздох заполняющего шахту воздуха, и двери распахнулись. Поняв, что от меня большого толку не дождешься, Гершин крепче сжал мою руку и поволок дальше. Вчера я продвигался по этим коридорам совсем в ином темпе. С одной стороны

потому, что тогда здесь было заметно оживленней, и нестись по коридорам вот так, как две сцепившиеся торпеды, у меня при всем желании не вышло бы. Но главным образом я в тот раз так медленно перебирал руками по поручням из-за боязни вытряхнуть что-нибудь из бунтующего желудка. Да и указатели приходилось внимательно изучать, дабы не заплутать ненароком. Сейчас же я даже не пытался сообразить, где нахожусь, мутным взглядом провожая проплывающие мимо повороты и ответвления.

Очередная дверь выплюнула нас в кольцевой коридор, охватывающий по периметру всю станцию, и от которого во все стороны веером расходились стыковочные терминалы. Гершин втолкнул меня в один из шлюзовых люков и нырнул следом.

Я крайне неудачно зацепился ногой о край дверного проема, и меня развернуло спиной вперед. Перед моими глазами промелькнуло несколько человек, ожидающих нас внутри, а потом все заслонила замызганная и исцарапанная стена.

Вот тебе и обратная сторона действительности. Тот причал, где я сходил с челнока, был чистеньким и аккуратненьким. Но то было вчера. Что ж, каникулы закончились, и начались суровые будни.

– И где тебя носило столько времени? – послышался сзади трескучий голос, – мы спокойно могли бы еще целый час дрыхнуть!

– А вы тут прямо заждались, да? – Гершин решительно перешел в контратаку, – вон, Женя даже отдышаться еще не успел!

Мне было жутко неловко от того, что я болтался спиной ко всей этой перепалке. Не самое удачное начало знакомства со своей бригадой. К сожалению, шлюзовой тамбур был не особо просторным, и я, пытаясь развернуться, все время зацеплялся за что-нибудь то локтями то пятками, раз за разом возвращаясь в исходное положение.

– А это что у тебя? – продолжил тем временем наседавать на подчиненных Гершин.

– Горючка, – пророкотал угрюмый, и как мне показалось, немного обиженный бас.

Тут я все же сумел изловчиться, и мой очередной рывок, наконец, развернул меня лицом ко всей честной компании.

Перед моим взором предстала исключительно колоритная троица, зависшая у противоположной стены тамбура. Честно говоря, сперва мне показалось, будто передо мной четверо, но, приглядевшись, сообразил, что большой серебристый баллон, на который в этот момент указывал Гершин, удерживает в своих объятьях всего один человек, просто очень... широкий. Его коротко остриженные темные волосы сливались с небритыми щеками и подбородком в единое целое, отдаленно напоминающее мотоциклетный шлем. Тем не менее, несмотря на более чем внушительные габариты и устрашающий внешний вид, он старался не высовываться из-за своей ноши с тем, чтобы не встречаться взглядом с боссом.

– И как это понимать!? – взвился директор, – у нас срочный наряд, а у тебя реактор даже не заправлен!

– Коля, уймись, – осадил его обладатель уже знакомого трескучего голоса.

При взгляде на него первым, что бросалось в глаза, был абсолютно голый череп, блестящий и весь покрытый буграми, словно мозг, распухший от напряженных раздумий, распирал его изнутри. А вторым, что обращало на себя внимание, являлись выглядывающие из-под седых бровей глаза, такие, что. Как выразился однажды один мой знакомый, если встретишь такого человека в темной подворотне, то с радостью сам все ему отдашь. Я даже почувствовал некоторое облегчение, поскольку сейчас он смотрел не на меня.

– Ты же прекрасно знаешь, что у Гильгамеша уже через пять минут все будет под парами, – продолжил он, – лучше объясни, как мы без связиста управляться теперь будем?

– Не беспокойтесь, нашел я вам связиста, – Гершин схватил меня за рукав и выволок на середину тамбура, – вот. Олег. Прошу любить и жаловать.

Взгляды всех присутствующих обратились на меня, как будто я появился в помещении только что. Во взглядах этих читалось явное сомнение.

– Быть может, все же попробовать Сашку в чувство привести? – без особой, впрочем, надежды предложил третий член команды, при виде которого, первым словом, приходящим на ум, было «вешалка».

Тощий и долговязый, он подобно атланту подпирал плечами потолок, а в длинных руках с несуразно огромными кистями удерживал несколько объемистых свертков. Его лицо недвусмысленно намекало на то, что в числе предков человека помимо обезьян присутствовали и лошади, а в рот с явно неправильным прикусом во время дождя, должно быть, залетали отдельные капли. Пестрая рубашка, колышущаяся под потоками прогоняемого вентиляторами воздуха, ясно давала понять, что между ней и телом оставалась еще уйма свободного места.

– Ты при мне про этого алкаша даже не вспоминай! – Гершин фыркнул, – или, скажешь, он сейчас в состоянии за пульт сесть!?

– От него, конечно, сейчас разит с трех метров даже против ветра, но если его пристегнуть покрепче и подождать немного...

– Все! Вопрос закрыт! – оборвал его директор, – теперь Олег – ваш связист. А Сашка у меня впредь до конца жизни будет безалкогольную горилку пить и обезжиренным салом закусывать.

– Где ты это чудо раздобыл? – чуть ли не брезгливо проскрипел лысый, изучая меня, словно товар на витрине магазина.

– Всевышний прислал. И я бы на твоём месте, Боря, прыгал от радости, что благодаря ему у нас появился реальный шанс неплохо заработать.

– Какой-то хлипкий этот твой шанс, – старик немного наклонил голову набок, – слышь, пацан, а ты читать-то хоть умеешь?

– Олег уже давно не пацан! – вступился за меня Гершин, – он на последнем курсе Новосибирского Университета, и является одним из лучших учеников в своем потоке. Два раза брал призы на профессиональных конкурсах. Через год, когда он закончит обучение, работодатели за него драться будут!

Вот так сюрприз! Вообще-то Гершин ничего не привирал и даже не приукрашивал, но я, помнится, перед ним особо своими достижениями не хвастал, а в паспорте таких подробностей моей биографии точно не упоминалось. Где и как он их раздобыл – загадка. Столь пристальное внимание к моей персоне уже начинало меня беспокоить.

– А я, Коля, не тебя спрашивал, отмахнулся Борис, – знаю я этих отличников, которые, попав на реальное производство, не с того конца за включенный паяльник хватаются, – он вновь обратил на меня свой пронизывающий взгляд, – язык есть? Говорить умеешь?

– Умею, – буркнул я, с трудом поборов желание этот самый язык продемонстрировать. Ситуация к остроумам не располагала.

– На каких системах работал?

– «StarMatic 2400», «Фокус-АМ», «LightLink», – перечислил я, стараясь оставаться лаконичным.

– Спектральную привязку, если потребуется, из слепого положения сделать сможешь?

– Смогу.

– Как быстро?

– Зависит от того, в какой части Галактики мы оказались, но не более получаса.

– Да ладно тебе! – встрял Гершин, – парень толковый, я за него ручаюсь.

– Ага, и перед кем я буду трясти твоим поручительством, оставшись без связи на другом конце вселенной? Перед зелеными человечками? – Борис отрицательно мотнул головой и продолжил допрос, – с каким резервом будешь делать триангуляцию в незнакомом месте?

– С двукратным как минимум.

- За сколько настроишь терминал из «мертвого» состояния.
 - Если весь необходимый софт под рукой – минут за десять, не больше.
 - Боря, хватит уже! – взмолился директор, в очередной раз взглянув на часы, но старик только отмахнулся.
 - А он у тебя под рукой?
 - Да, – я всегда таскал с собой все необходимые программы и сопутствующую документацию, и наконец-то моя предусмотрительность оказалась вознаграждена.
 - Отлично! – лысый выглядел вполне удовлетворенным, – и составить заявку на резервирование орбитальных эшелонов ты также способен.
 - Вполне, – мое импровизированное собеседование, похоже, подходило к концу.
 - А форму на регистрацию орбитальной выработки?
 - Тоже.
 - И ты даже умеешь транспонировать несущую частоту по Крейбеку?
- Вот те на! Я не имел ни малейшего понятия, что это за зверь такой, но, набрав столь хороший темп, спотыкаться в самом конце было не к лицу, и я бодро отрапортовал:
- Естественно!
 - Ты уверен? – седые брови подозрительно съехались к переносице.
 - Все, довольно! – решительно встрял Гершин, – или мы немедленно закрываем люки, или уже никто никуда не летит. Наше окно скоро закроется.
 - Я еще не закончил...
 - Немедленно! – директор отступил в дверной проем, – или двойной оклад, как договаривались, или ничего.
 - Хозяин – барин, – пожал плечами Борис, уступая, и, когда люк за Гершиным закрылся, вполголоса добавил, – кто держит за яйца, тот и заказывает музыку, как говорится.
- Здесь я должен сделать небольшое отступление, касающееся богатейшего словарного запаса капитана нашей драги. Дело в том, что большей частью этот запас абсолютно нецензурен. Это, конечно, нисколько не умаляло профессионализма Бориса, и вообще, на самом деле наш капитан был весьма разносторонним и эрудированным человеком, способным дискутировать на самые разные темы, и причем весьма культурно, вежливо и даже изящно, когда того требует ситуация. Однако всякий раз, когда он злился, концентрация обсценной лексики в его речи резко возрастала, ну а если Борис выходил из себя, то понять, о чем он говорит, подчас становилось решительно невозможно. Так что помните, что мне пришлось изрядно профильтровать почти все его реплики, дабы бумага могла их стерпеть.
- Но все это я узнал позже, а пока он был для меня угрюмым стариком с тяжелым взглядом, общение с которым не сулило ничего, кроме неприятностей. И они не замедлили последовать.
- То, что произошло дальше, явилось одним из самых неприятных и пугающих переживаний моей жизни, и это притом, что впоследствии мне довелось пережить еще немало неприятного и пугающего. Лысый старик оттолкнулся от стены и набросился на меня, больно хватив спиной об ребристую переборку. Одной рукой он зажал мне рот так, что я не мог издать ни звука, а в другой у него откуда-то возник нож, острый конец которого уткнулся в уголок моего глаза, уколов его ровно настолько, чтобы я понял, что со мной не шутят.
- Ты что, сопляк, мозги мне пудрить вздумал!? – прошипел он мне в ухо.
 - М-м-м! – только и смог промычать я, стремительно покрываясь холодным потом. Мысль о сопротивлении даже не приходила мне в голову, этот ненормальный контролировал ситуацию целиком и полностью. У меня нещадно засосало под ложечкой, и впервые в жизни я предельно ясно осознал, что дело обстоит как никогда серьезно.
 - Думал, что этот выживший из ума старикан спокойно проглотит любую ахинею, что ты ему подсунешь, да!? Не на такого напал! – он немного повернул нож, словно выбирая более удобный ракурс, а мне ничего не оставалось, как, не моргая, смотреть на него поверх холодного

блестящего лезвия, — я не собираюсь по твоей милости болтаться невесть где, ожидая, пока нас не подберут спасатели, явившиеся на сигнал бедствия. Без надежной связи вся эта дорогушая куча железа — всего лишь большая консервная банка, а я в консервы покамест не тороплюсь. Я терпеть не могу, когда меня вытаскивают из постели посреди ночи, и если выяснится, что по твоей милости все это было напрасно, я тебя живым закопаю, ты меня понял!?

— М-м-м-м!

— Я не собираюсь тащить с собой на борт еще один кусок дерьма, и лучше оставлю тебя здесь, в шлюзе, чтобы при расстыковке ты мог выяснить, сколько сможешь прокувыркаться в вакууме без скафандра, — Борис снова повернул нож, и у меня зашипало в углу глаза, — но я, так уж и быть, готов дать тебе шанс.

— М-м-м?

— Что ты там говорил насчет транспонирования несущей по... как его там... не помню уже. А? — старик убрал мозолистую ладонь от моего рта, чтобы я мог ответить, однако его нож остался на месте.

Скажу прямо — за все это время я не наделал в штаны исключительно потому, что уже вторые сутки ничего не ел и не пил. И теперь самым разумным мне представлялось говорить только правду и ничего, кроме правды, какой бы нелицеприятной она ни была.

— Я. — мне пришлось сглотнуть, чтобы вместо хрипа я мог издавать хоть какие-то членораздельные звуки, — я понятия не имею, что это такое.

— Почему сразу так не сказал?

— Я боялся испортить впечатление.

— Что ж, а так ты его испортил гораздо сильнее, — Борис скептически поджал губы, — как я теперь могу верить всему остальному, что ты говорил?

— Все остальное — правда!

— Да ну!? А вот я сейчас глазик-то тебе вырежу, а потом скажу, что ты сам по неловкости на вентиль напоролся, и это тоже будет правдой. Камера наблюдения в этом шлюзе не работает, а свидетели подтвердят мои слова, — он подался вперед, словно и впрямь собирался вспороть мою глазницу, а двое его коллег даже не пытались его хоть как-то урезонить, наблюдая за происходящим со скучающим видом, — еще один несчастный случай.

— Я. — я снова сглотнул, но это не помогло, — мне больше нечего добавить. Если останусь жив — сделаю все, что смогу.

— Слышь, Боров, *en voilà assez*, — долговязый посмотрел на часы, — босс сейчас до диспетчерской доберется и начнет задавать вопросы.

— Ладно, — Борис задумчиво пожевал губами, — будем считать, что тебе повезло, поскольку моя благоверная нахватала столько кредитов, что мне теперь еще долго за ее фантазии расплачиваться придется. А с двойным окладом это все же в два раза быстрее. Но ты имей в виду, — он напоследок еще разок качнул ножом, — твой несчастный случай никуда не делся и может приключиться в любой момент.

Он оттолкнулся, перелетев к люку на противоположной стороне шлюза и словно начисто позабыв о моем существовании. Его тощий напарник дернул за рукоятку и распахнул перед ним дверь. Я подождал, пока остальные со своими пожитками выберутся из тамбура, после чего осторожно, чтобы не совершить еще какой-нибудь глупости, также проплыл через люк и даже умудрился при этом об него не зацепиться.

Рассмотреть окружающий меня интерьер я толком не успел, поскольку чьи-то руки схватили меня за ворот и запустили в сторону следующей двери.

— Боров! Лови гостинец! — крикнул мне вслед долговязый.

Лысый старик подхватил мое беспомощное тело и, не особо церемонясь, затолкал его в проход. Таким образом, от поворота к повороту, мимо труб, кабелей и воздухопроводов, они вдвоем препроводили меня до самой рубки. Не думаю, что такая забота была вызвана искрен-

ним беспокойством о моей безопасности, просто на данный момент это был наиболее быстрый способ моей доставки к месту работы. Со мной обращались, будто с грузом, причем не особо ценным. По прибытии на место меня засунули в одно из кресел и пристегнули ремнями, чтобы я никуда ненароком не улетел.

Только сейчас я смог, наконец, хоть немного осмотреться. Что ни говори, а старая истина «тяжело в учении – легко в бою» все же родилась не на пустом месте. Обстановка в рубке до боли напоминала интерьеры, досконально изученные в ходе многократных тренировок на тренажере. Мне даже на душе полегчало, а то после воспитательной беседы, проведенной со мной Борисом, у меня аж сердце слегка пошаливать начало.

Впереди всю стену занимал большой, но пока черный экран, на который выводилась информация для всех членов экипажа. Далее располагались рабочие посты команды – два впереди и еще два во втором ряду. Со своего места я не мог видеть, но точно знал, что сзади у стены установлены еще четыре кресла на тот случай, если на борту окажется более четырех человек. Левое переднее место предназначалось для пилота, и было оборудовано парой джойстиков. Остальные терминалы могли настраиваться для решения любых задач и являлись полностью равноценными. Меня поместили в правое переднее кресло, которое, по-видимому, здесь традиционно занимал связист.

– Кончай головой вертеть и настраивай свое хозяйство, – лысый нырнул в кресло пилота и отработанным движением застегнул ремни, – отчаливаем через десять минут.

– Есть! – хмуро отпартовал я и обратил свой взор на оказавшийся в моем распоряжении терминал.

Как выяснилось, моему настроению еще оставалось куда ухудшаться.

Да, на занятиях в университете мы работали на тренажерах, прошедших через руки десятков других студентов и вдоволь от них натерпевшихся, но даже им оказалось не под силу сотворить с аппаратурой то, что предстало перед моими глазами.

И сам экран, и сенсорные панели были покрыты слоем грязи, толстым настолько, что в нем вполне могли обитать мыши. За этим рабочим местом ели, пили, прямо на нем что-то резали и бог весть чем еще занимались. Несколько раз, наверняка, на него исторгали съеденное накануне и даже не особо затрудняли себя протереть монитор после этого, так что теперь кое-какая важная информация вполне могла остаться незамеченной за темными потеками неизвестного происхождения.

Как издевательство, по периметру монитора была вылеплена рамка из разноцветных комочков засохшей жвачки. Предыдущий хозяин не успел ее закончить, хотя я, будь моя воля, вышвырнул бы его в открытый космос после первого же такого упражнения. Чтобы хоть с чего-нибудь начать, я отковырнул пару бледно-розовых шариков, и они поплыли по воздуху, отскакивая от стен рубки, чем вызвали со стороны Бориса недовольный взгляд в мою сторону. Поняв, что с уборкой придется обождать, я занялся настройкой рабочих программ. Для меня уже не явилось сюрпризом, что и в программной части этого терминала царил точно такой же бардак, как и снаружи. Мне ничего не оставалось, как со вздохом отправить все в помойку и устанавливать необходимые пакеты и утилиты заново.

Честно говоря, я полагал, что Борис лукавил, заявляя, будто наше отбытие должно состояться уже через десять минут. Запуск реактора, все же, занимает немало времени. Памятуя об этом, а также о долгих и неспешных процедурах стыковки – расстыковки, выполняемых пассажирским челноком, я не особо торопился. А потому был немало удивлен, когда всем телом вдруг ощутил, как по корпусу корабля прошла волна дрожи. Драга содрогнулась, встрепенулась, словно отряхивающийся от воды большой косматый пес, и вскоре вибрации утихли, сменившись еле ощутимым деловитым гудением. Реактор был запущен и турбины генераторов вышли на рабочий режим.

Почти сразу же в рубке вместо тусклых резервных лампочек вспыхнуло нормальное освещение, и на главном экране засветились первые сообщения.

– Ну что, капитан, – услышал я за своей спиной голос долговязого, сопровождаемый щелчками замков застегиваемых ремней, – теперь скажешь нам, куда летим?

– Коля велел ни в коем разе не обсуждать данную тему до прибытия на место, – отозвался Борис, колдуя над пультом.

– Да ладно тебе! Он же известный перестраховщик! Pourquoi, вообще, такая секретность?

– Жан, отстань! Прибудем на место – сам все поймешь, – лысый повернулся ко мне, надевая наушники, – эй, юнга, дай-ка мне связь с диспетчером.

У меня еще не все было готово, но организация стандартного канала связи не требовала каких-то специфических инструментов. Я натянул на голову наушники, стараясь не думать о природе покрывающих их пятен, и пробежал пальцами по клавиатуре.

– Наши позывные? – спросил я Бориса.

– «Берта-358».

– «Берта-358» вызывает центральную, – включил я свой микрофон, – «Берта-358» вызывает центральную.

– Вас слышу, «Берта-358», – отозвалось в наушниках, и я кивнул Борису, давая понять, что он на связи.

– Я на втором причале, прошу разрешения на отход.

– Та-а-ак, посмотрим, – голос на том конце линии сверился со своими документами, – пошлина уплачена, за парковку... тоже все в порядке. Хорошо, отход разрешаю. Герметизация в норме?

– Все отлично.

– Створ выхлопа – 90 на 40 и минус 35 на минус 80, дистанция – пять тысяч, переходная орбита – плюс два градуса.

– Принято.

– Отключаю магистрали, – на главном экране погасло несколько зеленых транспарантов.

– Подтверждаю.

– Открываю замки, – где-то в глубине корабля послышался глухой лязг и стук.

– Подтверждаю, – старик коснулся джойстиков, – отходим помаленьку.

Кресло подо мной слегка толкнуло меня в спину, а затем ремни мягко вернули меня на место. Наша драга отчалила от станции.

– Счастливого пути!

– Счастливо оставаться! – Борис стянул наушники с головы и сосредоточился на управлении.

Только сейчас я начал осознавать, что и в самом деле отправляюсь на самую настоящую вахту. На самой натуральной орбитальной драге, в компании с совершенно незнакомыми и в высшей степени подозрительными субъектами. И я даже понятия не имел, куда именно мы направляемся. Это, пожалуй, будет даже круче, чем у Сереги, вот только оптимизма этот факт мне совсем не добавлял.

– Вот мы и на плаву, – объявил капитан и оглянулся назад, услышав, как заскрипело за его спиной кресло, в которое втискивалась громада механика, – ну что, Гильгамеш, как там наше сердечко?

– Работает, – пророкотал тот, не вдаваясь в подробности.

– Вот и славно. Время до перехода – пятнадцать минут, можно немного и подремать пока, а ты, юнга, – он ткнул в мою сторону пальцем, – приготовься потеть и молись, чтобы вся твоя похвальба соответствовала действительности хотя бы наполовину, иначе я тебе не завидую.

Ответить на это мне было нечего, да не особо-то и хотелось, а потому я угрюмо сдвинул брови и отвернулся к своему чумазому терминалу, продолжив его настройку. Молиться,

впрочем, я не собирался. В моих словах не было ни капли бахвальства, ну, кроме последнего момента с «транспонированием несущей». И меня даже охватила некоторая злость, накаты-вавшая каждый раз, когда кто-нибудь ставил под сомнение мои способности или, чего пуще, начинал надо мной насмехаться. В таких случаях я порой совершал невозможные вещи, дабы показать скептикам, насколько глубоко они заблуждались.

Сосредоточившись на работе, я краем уха слушал вялую перепалку между капитаном и тощим Жаном, который безуспешно пытался вывести у Бориса цель нашего путешествия. Ситуация и впрямь получалась какая-то странная, когда бригаду отправляли на вахту, не объясняя толком, куда именно они летят. Хотя я не особо хорошо разбирался в организации работы добывающих компаний, чтобы делать аргументированные выводы. Быть может, у них так принято?

На главном экране тем временем набор бессмысленных мутных пятен обрел, наконец, фокусировку, превратившись в медленно удаляющуюся громаду орбитальной станции. Бесформенная и угловатая, обросшая бородавками пристыкованных кораблей, драг и челноков, она плыла на фоне черноты беззвездного неба, до слепящей белизны освещенная идущим откуда-то снизу светом Солнца. Вверх и вниз за пределы экрана уходили многокилометровые стабилизационные штанги, увенчанные густой листвой радиаторов. Вакуум скрадывал размеры и расстояния, и только услышав голос Бориса, комментирующего ход событий, я осознал, как далеко мы уже отошли от нее, и насколько эта машина действительно огромна:

– Так, есть дистанция пять тысяч, – он запрокинул голову, обращаясь к технике за своей спиной, – Гильгамеш, батареи в порядке?

– Лучше новых, – буркнул тот.

– Отлично! Значит можно не миндальничать, – он коснулся терминала, и турбины в глубине корабля взвыли на повышенных тонах, – готовимся к переходу. Время – минус одна минута.

Лысый череп повернулся в мою сторону и рывкнул куда менее дружелюбно:

– Что расселся!? Нечем заняться, что ли?

– У меня все готово, – насупившись, ответил я.

Одна из седых бровей приподнялась вверх, но больше капитан ничего не сказал, вернувшись к своему пульту. Вой генераторов стих, и наступившая тишина чем-то напомнила мне затишье перед бурей. Я стоял на пороге самого безрассудного приключения за всю свою жизнь. Еще несколько секунд и... От мысли о том, на как далеко от родного дома я окажусь, в животе начинало бурчать. Когда расстояния измеряются в световых годах и парсеках, а обычные километры отвешивают десятичными порядками, все твои житейские заботы и хлопоты становятся столь мелкими, что вполне достойны пренебрежения. Какой же я все-таки псих! Что такая букашка забыла в глубине просторов бездонного Космоса? Кем я себя, черт подери, возомнил?

– Ну что, ныряем? – спросил Борис, ни к кому конкретно не обращаясь и сверяясь с клочком бумаги в руке, – будем надеяться, что нас не надули, но я, на всякий случай, все же оставляю зазорчик в парочку а.е.

– Ты уж, Боров, нас не подведи, – взмолился Жан.

– Да ты каждый раз это говоришь.

– Ага! И что ты каждый раз мне отвечаешь?

– Не беспокойся так. Я милосердный. Если я и ошибусь, то вы ничего даже и не почувствуете.

– Mercí, успокоил, – боковым зрением я видел, как долговязый откинулся в кресле и почти блаженно закрыл глаза, – вот теперь я готов.

– Вот и славно! – Борис взялся за джойстики, – он летел в Саскачеван, а попал в Нахичевань...

На главном экране вид удаляющейся станции сменился, как я понял, схемой нашей драги, по периметру которой высветились узлы излучателей, формирующих портал для перехода. Все они последовательно засветились зеленым, сигнализируя о готовности.

– Завешания все составили? – капитан опустил палец на вполне себе обыкновенную серую кнопку, активирующую переход. Я так и не понял, шутит он или говорит серьезно, но сказать все равно ничего не успел.

Мне давно было любопытно, что чувствует человек, который исчезает в одной точке пространства, а затем возникает в другом месте, за несколько сотен световых лет. Непременно возникают сомнения, а тот ли же самый это человек, все ли с ним в порядке, и не повредился ли он рассудком? Уравнения, описывающие данный процесс, в сжатом виде занимают несколько страниц мелким шрифтом, и мне кажется, что на самом деле полного понимания того, что же на самом деле происходит, нет ни у кого. Но система, тем не менее, работает.

Из нашей группы только Серега имел опыт порталных переходов, но к его рассказам, как я уже отмечал, следовало относиться с изрядной долей скептицизма. А он, пользуясь случаем, плел такое, что уши вяли, и плел, зараза, складно. То о кораблях, на которых после перехода погибло все живое, включая растения и бактерии. То о случае, когда корабль вместе со всем содержимым вышел из портала зеркально отраженным, и несколько членов экипажа потом насмерть отравились, попробовав обычную еду, а остальные сидят теперь на строгой диете и мучительно пытаются вновь научиться читать и писать слева направо.

Он еще много чего рассказывал, но при этом старательно избегал касаться своих личных ощущений и переживаний, и в последнее время мне начало казаться, что он поступал так по той простой причине, что тут-то похвастать ему как раз было нечем. Сидел, небось, как и я, прикованный к своему креслу, и вздрагивал от гневных окриков своего капитана.

А что касается меня... В общем, я ничего особенного не почувствовал. Внутри что-то екнуло, конечно, то был, скорее, психологический эффект. Зеленые кружки излучателей на схеме мигнули и погасли, и экран вновь заполонила бездонная чернота космоса с редкими точками звезд, но уже без громады орбитальной станции посередине.

– Гоп! – резюмировал Борис.

– И что? – Жан подался вперед и ухватился за спинку моего кресла, будто силясь что-то разглядеть на пустом экране, – я ни черта не вижу.

– Если все верно, то наша цель должна быть прямо по курсу.

– Парочка а.е., говоришь? – долговязый продолжал изо всех сил таращиться в черноту, – может, увеличения добавить?

– Не поможет.

– То есть? – Жан с сомнением покосился на капитана.

– Увеличение достаточное, просто надо в инфракрасном диапазоне смотреть, – тот коснулся панели управления.

Экран мигнул, и в самом его центре загорелась ярко-вишневая точка.

– Есть! – Борис довольно потер руки, – Маклер не обманул!

– МакЛири!? – удивленно воскликнул долговязый, – что же такое посулил ему наш босс, что этот сноб согласился с ним поделиться, и что за неведому зверушку он нам подsunул?

– Думаю, это стоило Коле не менее трети будущей выручки, а никакая из более серьезных контор на такое вымогательство не согласилась бы, поэтому сперва Маклер заглянул к нам. Коля сейчас в таком положении, что за хорошую выработку родную мать продаст. 800 кельвин, отлично!

– Борис оторвался от своего терминала и простер руки в сторону экрана, – прошу знакомиться: Черный Карлик.

– Ух ты! – басовито ахнул здоровяк.

– Это точно! – согласился с ним капитан, – будешь теперь людям бриллианты в лихтеры загружать. Тоннами.

– Ты хотел сказать – Коричневый Карлик, – поправил капитана Жан.

– Я сказал именно то, что и собирался. Стали бы мы так надрываться ради бурого комка не пойми чего? Не-е-е-т, тут у нас именно Черный Карлик – остывший труп выгоревшей звезды.

– Pardon, – с сомнением проговорил Жан, – но, насколько мне известно, считается, что их не существует.

– Тогда протри глаза получше.

Я уставился на красную точку, старательно пытаюсь сообразить, с чем же мы имеем дело, и осознать величие момента, но тут буквально позвоночником почувствовал, что Борис снова смотрит на меня.

– И что мы тут сидим, как в прострации после кастрации, а? Или ты ждешь, пока я в очередной раз на тебя гавкну!? – прорычал он, – привязывайся уже!

– Каковы наши координаты? – уточнил я.

– Ты же хвастал, что для тебя вслепую привязаться – раз плюнуть. Вот и продемонстрируй нам свое мастерство.

– Нет проблем, – пожал я плечами и отвернулся к монитору, чувствуя, как захлестнувшая меня злость окончательно вытеснила остатки недавнего страха, – но мне казалось, что мы торопимся...

– Bravo! – Жан расхохотался, – не растерял еще колючки-то!

– Слышь, парень, ты мне тут не умничай! – Борис отнюдь не разделял его восторга, – ты получил приказ и выполняй его! А мне еще надо гравитационный градиент уточнить перед следующим переходом, так что время у тебя будет, не беспокойся. Минут пятнадцать где-то. Давай, работай!

Ага! Отлично! Пятнадцать минут. Просто замечательно! Можно подумать, что это от меня зависит, насколько быстро система отыщет надежные реперы. Это где-нибудь в пределах Местного Скопления можно буквально наугад ткнуть пальцем в первые попавшиеся четыре звезды – и готово! А чем дальше в лес – тем меньше надежных опорных маяков. В данный момент я не имел ни малейшего представления, в какой угол Галактики нас зашвырнуло. А ежели особенно повезет, то можно ведь вообще оказаться в гуще пылевого скопления, где чернота, как в угольной шахте, и ни одной звездочки вокруг. И что тогда прикажете делать?

Ладно, стенаниями делу не поможешь, так что надо начинать. Меня, правда несколько беспокоили опасения, что и остальное оборудование окажется в таком же запущенном состоянии, как рабочий терминал, но, к счастью, все обошлось. Оба визира бодро откликнулись на мой запрос и принялись последовательно прочесывать небесную сферу в поисках знакомых спектральных сигнатур.

Процесс сей невероятно скучен и может продолжаться довольно долго, причем нет абсолютно никакой возможности хоть как-то его ускорить. Остается только сидеть, тупо таращиться на монитор и терпеливо ждать результата. Пользуясь представившейся передышкой, я прислушался к развернувшейся в кабине дискуссии.

– Но если Черный Карлик – это остывший Белый Карлик, коих вокруг миллионы, то их тоже должно быть немало? – недоумевал Жан, – почему их до сих пор никто не встречал?

– А ты попробуй угляди эту крохотную и почти что холодную вишенку за несколько световых лет! – отозвался Борис.

– Как же тогда Маклер на нее напал?

– А кто его знает? Может по гравитационному микролинзированию, а может по отклонению при очередном переходе. Он же профессиональный разведчик, и у него наверняка имеются свои хитрые приемчики.

– Хорошо, – Жан перешел к следующему беспокоящему его вопросу, – а теперь объясните мне, *s'il vous plait*, что мы будем тут копать? Тот же гелий, только холодный? Из-за чего такая истерика?

– Если теория верна, с этого шарика можно доить практически все, что угодно, от водорода до урана, а то и дальше.

– *Ne comprendre pas*, это как?

– За те несколько миллиардов лет, пока он остывал, вещество в его толще должно было так отстояться и распределиться по плотности, что мы можем вынуть из него любой элемент таблицы Менделеева, просто варьируя глубину забора.

– Любое? Даже золото?

– Мысль интересная, – капитан усмехнулся, – можно попробовать, но главная ценность тут другая – углерод. Это тебе не метан в печке Чистейший углерод, основное сырье для всей космической строительной промышленности, и в неограниченном количестве. Причем, если, Гильгамеш ничего не сочиняет, то в недрах шарика он должен пребывать в форме алмаза.

– Да ты что!? – Жан уставился на здоровяка, – правда!?

– Давление, температура, – скупко прокомментировал тот, – вариантов немного.

– С ума сойти!

– Не обольщайся, Жан, – охладил его пыл Борис, – нам эти камушки целыми все равно не достать.

– Это почему же? – долговязый был явно расстроен.

– Там – бешеное давление, – капитан ткнул пальцем в пол, – а тут – вакуум. Открываешь портал и пш-ш-ш! Туча угольной пыли и только.

– Или все же алмазной?

Тут у меня на экране выскочило сообщение об обнаружении первой знакомой звезды, и я отвлекся. Я вывел на монитор карту Галактики, где пометил находку и стал ждать следующих, чтобы, наконец, сообразить, куда нас занесло. Меньше, чем через минуту у меня был уже второй репер, а вскоре и третий, и дальше дело пошло заметно быстрее.

Как выяснилось, ускружили мы не очень далеко – на границу с соседним спиральным рукавом, хотя за пределами Солнечной Системы расстояния уже не играют такой важной роли. Что Проксима Центавра, что Магелланово Облако – если генераторы портала вышли из строя, и связи нет, то ты покойник. На собственных двигателях особо не летаешь, они предназначены лишь для коррекции орбиты, компенсации атмосферного торможения и причальных операций, а дальние перелеты на них невозможны. Практически все полеты за лунную орбиту выполняются через порталы. С их помощью даже добычу полезных ископаемых с других планет и астероидов выполняют, а вот спустить на поверхность живого человека с лопатой, а уж тем более поднять его потом обратно – затея не из простых, да и не из дешевых. Поэтому мечты о колонизации других планет так до сих пор и остаются мечтами.

После того, как наше местоположение было установлено, стало возможным выбирать новые реперы в ручном режиме из числа тех, что оказались поблизости. Геометрия говорит нам, что для определения своих координат в трехмерном пространстве достаточно привязки по четырем точкам, но практика показывает, что этого категорически недостаточно. Причем, порой складывается парадоксальная ситуация, как в случае, когда у Вас несколько часов. Если бы имелись только одни, то узнать который час было легко и просто, а вот если их несколько, и каждые немного врут, то начинаются затруднения. Так же и с привязкой – чем больше реперов, тем шире разброд показаний. И вот тут-то и начинается мастерство оператора, который должен определить те из них, которым можно доверять, и отбросить те, что сомнительны.

Одни могут оказаться за облаком газа, искажающего сигнал, свет от других проходит недалеко от массивной звезды и искривляется в ее гравитационном поле – возможны разные варианты, и только внимательное изучение карты соответствующей области позволяет выло-

вить все возможные причины погрешностей. Далее, если требуется получить еще большую точность, начинается игра с поправками. На ОТО, на вращение Галактики, на Хаббловское разбегание и на прочее разное, причем применять их следует также с умом. Некоторые из них нужны только при определении относительной скорости, что требуется для расчета перехода, а мне для организации канала связи достаточно знать только точное направление на Землю, а это можно выяснить и без их помощи.

Я все это рассказываю, чтобы Вы не думали, будто всю работу за меня делает автоматика, а я только на экран таращусь, нет. Она, конечно, способна проделать львиную долю самой нудной рутины и выдать в конце более-менее приемлемый результат, но это будет ремесло, а не искусство. При таком подходе связь будет работать нестабильно и потреблять кучу энергии, поскольку каждое сообщение придется отсылать по несколько раз с небольшим разбросом направленности, чтобы гарантировано попасть в цель. О видеосвязи можно вообще забыть. Переход через портал также надо будет осуществлять осторожно, в несколько приемов, чтобы не влипнуть с разбегу куда-нибудь, а это опять же расход энергии и напрасная трата времени.

В общем, разница примерно такая же, как между штучной ручной работой и дешевым фабричным ширпотребом. А я привык работать так, чтобы результатами своей работы можно было бы гордиться. Пусть это даже всего лишь набор цифр, описывающих наши координаты.

Таким образом, меньше, чем через десять минут у меня был готов набор из дюжины (я помнил про необходимый запас) опорных звезд, привязка по которым не обнаруживала стремления разбежаться в стороны, и я даже мог в реальном времени отслеживать наше перемещение в пространстве, наблюдая за тем, как бегут цифры в последних знаках. Кроме того, было видно, что корабль медленно поворачивается, видимо для того, чтобы занять правильную ориентацию перед переходом на окончательную орбиту. Наша драга скользила по касательной к красному шарiku, что давало возможность, изучив отклонение траектории, весьма точно определить массу звезды. Именно это Борис и называл уточнением гравитационного градиента.

– Ну что, юнга? – послышался его ехидный голос, – есть результат?

– Я готов.

– Да ну!? – было похоже, что он и впрямь удивился, – и куда же мы, по-твоему, попали.

– Вот координаты, – взмахнув рукой, я отправил данные на его монитор, не удержавшись при этом он легкого пижонства, – наша скорость – восемнадцать с половиной километров в секунду.

– Приемлемо, – глядя на монитор, Борис провел ладонью по лысине, приглаживая несуществующие волосы, – ну что, тогда прыгаем на орбиту, – он погрозил мне пальцем, – смотри, не растеряй свою добычу по дороге.

Турбины генераторов опять взвыли, а спешно начал проверять, не забыл ли я включить на визирах режим повторного захвата. Я отнюдь не горел желанием начинать все заново.

Сам момент перехода я опять прозевал, сосредоточившись на проверке всех настроек. Только когда перед моим носом выскочило сообщение о том, что надирный визир фактически ослеп, разом потеряв все реперы, за которыми он следил, я понял, что мы прыгнули. Подняв глаза, я увидел огромную темно-вишневую дугу, заполонившую собой верхнюю часть главного экрана. Наша драга вышла на орбиту над самой поверхностью мертвой звезды.

– Так-так-так, – Борис взялся за джойстики, корректируя траекторию, – чудненько.

По рубке поплыл всяческий мусор, один из отковырянных мною кусочков жвачки стукнулся о панель управления и отскочил вбок; тускло блеснул и скрылся за моей спиной кувыр-кающийся огрызок карандаша. Драга ускорила свое вращение, чтобы сохранять ориентацию относительно звезды. На своем экране я видел, как ползут по полю зрения зенитного визира захваченные им звезды, скрываясь за задним краем, а на смену им с противоположной стороны выныривали другие.

То был тот самый случай, когда пригодился резерв реперов, привязка держалась надежно.

– Ну что, студент? – капитан отпустил рычаги и удовлетворенно откинулся в кресле, – не заблудился еще?

– У меня все под контролем.

– И даже наша скорость? – он почему-то ехидно прищурился.

– Разумеется, – я сверился с показаниями своих приборов, – она в данный момент равняется... – я запнулся и на всякий случай потер экран пальцем, подозревая, что какая-то присохшая грязь вводит меня в заблуждение, но монитор был чист.

– И?

Я хорошо помню, как на занятиях в университете один уже немолодой профессор, прошедший за свою долгую жизнь через многое и на собственной шкуре испытывавший все те передряги, выпутываться из которых он нас тренировал, говорил нам: «Учитесь доверять приборам! Если Вы сомневаетесь, если ваши глаза, уши и все тело говорят одно, а приборы утверждают обратное, то, скорее всего, они правы. Ваши органы чувств могут Вас обмануть, но железка фантазировать и лгать не умеет! Доверяйте своим приборам!» Он привел нам целый ряд реальных и в большинстве своем трагических примеров, наглядно иллюстрировавших данный постулат, и я запомнил его слова очень хорошо. А потому в ответ на ехидство Бориса набрал в грудь побольше воздуха и отрапортовал громко и четко:

– Наша орбитальная скорость составляет шестьсот двадцать три километра в секунду.

– Combien!? – почти взвизгнул Жан, – да я чуть в штаны не написал!

– Еще не поздно все исправить! – рассмеялся старик хриплым каркающим смехом, – парень-то прав! Один оборот мы делаем за полторы минуты.

– Вы рехнулись! Оба! Такого не бывает!

– Странно. Когда мы болтались над Аяксом-4, сорок километров в секунду тебя на смущали, а в этом шарике, – Борис кивнул на главный экран, – таких Аяксов больше сотни. Возьми калькулятор и посчитай сам, коли не веришь.

– Как же к нам на такой скорости лихтеры подходить будут!? – никак не мог уговориться долговязый, – мы же с ними расшибемся в пыль!

– Будем надеяться, что они тоже умеют пользоваться калькуляторами, – капитан повернулся ко мне, – готовь канал связи, юнга, надо парочку депеш на Большую Землю отослать.

– Сей момент, – я придвинулся к монитору, – что за депеши?

– Одна – заявка на регистрацию прав на орбитальную геологоразведку. Наши реквизиты возьмешь в бортовой базе, объект интереса обзовем пока что газовым гигантом, параметры орбиты и прочее уточняются, – Борис хмыкнул, – прикинемся неграмотными. А вторая – весточка боссу. Что-то вроде: «Мы на месте. Маклер не соврал. Подробности письмом».

– Будет исполнено, – мои пальцы забегали по панели.

Вот тут-то и наступал момент истины. Забить в стандартную форму необходимые данные – дело нехитрое, а вот зашвырнуть эту информацию за пару сотен световых лет, попав тонюсеньким лучом в крохотную горошину Земли – уже сродни искусству. И проблема не столько в том, что принцип работы субрелятивистского канала описывается еще несколькими страницами формул, сколько в умении заставить все эти формулы работать на тебя.

Да, я мог взять мощности побольше, мог выстрелить сразу веером лучей и повторить сие безобразие несколько раз до получения результата, но, как я уже говорил, такой подход мне не по душе. Какой смысл несколько лет учиться на хирурга, если потом все равно будешь работать мясником? Свою работу надо делать хорошо.

Пока наша драга находилась в тени звезды, и связь была невозможна, я еще несколько раз все перепроверил, но никаких огрехов не нашел. Да и сложно ошибиться, если ты сотню раз проделывал все эти процедуры на тренажерах, причем с куда менее благоприятными исходными данными. Должно получиться.

Транспарант, извещающий о доступности канала, засветился зеленым, и я положил палец на кнопку. Была не была!

Генераторы коротко взвизгнули, прошивая пространство лучом, и снова наступила тишина.

– И что, все? – удивился Жан.

– Теперь ждем ответа, – я откинулся назад и постарался расслабиться, чувствуя, что меня всего трясет. Просто сидеть и ждать было совершенно невыносимо, а потому, чтобы хоть чем-то заняться, я вытащил из сумки сухой паек, который прихватил на станции, распечатал его и принялся жевать первое, что попало мне под руку, даже не чувствуя вкуса еды. Для получения ответа требовалось послать дополнительный запрос, чтобы отвечающая сторона могла затолкать свое сообщение в открытый нами канал. Но делать это прямо сейчас не имело смысла. Необходимо было подождать хотя бы до следующего витка. А если бы мы ответа не получили, то оставалось бы только гадать, что тому причиной: чья-то нерасторопность или же моя криворукость.

Но, к счастью, на сей раз оба ответа пришли сразу.

«Поздравляю с успешным началом! Жду подробного отчета» – в первом, от Гершина, и стандартная форма с регистрационным номером, присвоенным нашей заявке автоматической системой учета – во втором. Я не стал скромничать и вывел оба сообщения на главный экран.

– Ah voila! С первого выстрела! – прищелкнул языком Жан, – Сашка связь налаживал попытки эдак с третьей в лучшем случае.

– Хватит тут охать, – одернул его Борис, – ты лучше сообрази нашему юнге чего-нибудь пожевать, а то он, вон, сухомяткой давится.

– Нет проблем, – за моей спиной щелкнули расстегиваемые замки, – а Гильгамеш пускай пока штанги разворачивает, так еда вкуснее получится, да и есть из тарелок все же сподручнее.

– Ты слышал? – спросил капитан у техника сзади.

– На сколько разматывать?

– Мы сейчас так бодро вертимся, что и пары километров для одного «Же» будет достаточно. Не забудь, кстати, раскрыть все радиаторы – наш шарик довольно неплохо нас подогревает, не изжариться бы.

– Сделаю.

– Отлично, значит сегодня мы будем мыться под нормальным душем! – Борис протянул правую руку и крепко хлопнул меня по плечу, – ну что, юнга, экзамен сдан, добро пожаловать в команду Потрошителей планет!

Мои руки еще слегка подрагивали от нервного напряжения, но внутри все же разлилось приятное согревающее чувство от признания моей профпригодности. Похоже, мои дела складывались не так уж и плохо. Через несколько минут Жан вернулся и принес мне пару свежих яблок, пообещав накормить как следует после того, как штанги будут развернуты. Пользуясь случаем, я выпросил у него тряпку и пакет для мусора, дабы, не теряя времени понапрасну, заняться очисткой своего рабочего места.

Оттирая потеки с монитора, я время от времени бросал взгляд на главный экран, который теперь всецело принадлежал Гильгамешу. Тот, по обыкновению немногословный, колдовал с системой развертывания, обмениваясь изредка скухими репликами с капитаном.

Еще только планируя свою авантюру, я, насколько возможно, постарался ознакомиться с устройством и принципом работы орбитальных драг.

Хотя, по сути, все долговременные орбитальные конструкции основывались на одном и том же принципе. От центрального, «причального» блока вытягивались две длиннющие мачты, одна вниз, к поверхности, а вторая, наоборот, в открытый космос. На конце нижней мачты располагался реактор, жилые же помещения и рубка управления размещались на противоположном конце верхней. Такое расположение оставляло экипажу шанс спастись в слу-

чае разрыва мачты. Разница орбитальных скоростей создавала небольшую силу тяжести, позволявшую обеспечить минимальный комфорт, необходимый для длительного проживания. На стационарных станциях, наподобие той, с которой мы стартовали, мачты делались жесткими, но на мобильных платформах приходилось изворачиваться, сшивая их непосредственно на месте из заготовленных углеволоконных лент.

Я понял, что процесс начался, когда где-то над головой послышался лязг и скрежет, а мое сиденье попыталось выпрыгнуть из-под меня. На экране вздрогнули и пришли в движение колоссальных размеров барабаны с лентами, и наш техник буркнул:

– Поехали!

Честно говоря, я ожидал, что развертывание мачт будет представлять больше интереса, но кроме размеренно вращающихся барабанов и негромких комментариев Бориса, время от времени бравшегося за джойстики, чтобы подправить ориентацию драги, ничего примечательного не происходило. Я вновь вернулся к уборке, но уже минут через пять заметил, как наливаются тяжестью мои руки. Отпущенная тряпка более не соглашалась послушно висеть там, где я ее оставил, и неспешно падала на пол, да и сиденье все явственней напоминало о своем существовании. Чуть погодя Борис расстегнул свои ремни, поскольку опасность вылететь из кресла при первом же неосторожном движении теперь не грозила, и я последовал его примеру.

Вскоре мне уже начало казаться, что сила тяжести достигла земной, но, сверившись с цифрами на экране, я понял, что здорово заблуждаюсь. Штанги к этому моменту раскрылись чуть более чем наполовину, и гравитация достигла одной трети «Же», лишь вдвое превышая лунную. Удивительно, как всего за два дня я успел от нее отвыкнуть! Моя уборка была практически закончена, мне оставалось подобрать с пола раскатившуюся жвачку. Видимо, мое кряхтение, доносящееся из-под кресла, вскоре доконало Бориса, потому как он зычно крикнул:

– Жан, ты сильно занят?

– Не особо, – донеслось в ответ сзади из коридора, – разбираюсь пока. – Расквартируй тогда нашего юнгу.

– Avec plaisir! – в двери показался Жан, вытирающий мокрые руки, – куда?

– В Сашкину каюту, куда же еще, – капитан вернулся к своему монитору, ухмыльнувшись себе под нос, – мне нравится, как ловко наш юнга порядок наводит.

Смысл его слов стал мне понятен чуть позже, когда передо мной распахнулась дверь отведенной мне каюты. Я с вопросительным выражением на лице повернулся к Жану, а он уже протягивал мне еще один мешок для мусора, только побольше.

– Можешь выбросить все, что сочтешь нужным, то есть ненужным. Мусор принесешь мне, а я уже с ним сам разберусь, – он повернулся и указал рукой в сторону изгибающегося коридора, – прямо перед тобой лифтовая шахта, обойдешь ее справа – после кают будет тебе туалет и душевая, а дальше тренажерный зал и технические помещения. Если слева, то там склад, а за ним столовая, где я и обитаю. Рубка на противоположной стороне. Есть вопросы?

– Целый список, – я с тоской покосился на свое захлащенное и загаженное обиталище.

– Список обождет, а если что срочное, то интерком у тебя над столиком.

Жан удалился, а мне ничего не оставалось, как приступить к разгребанию очередных Авгиевых конюшен. Затрудняюсь сказать, что творилось в каюте во времена обитания в ней моего предшественника, но сейчас она выглядела, словно кто-то взял ее в руки и энергично перетряхнул, точно стакан с игральными костями. В результате все ее содержимое полностью перемешалось и ровным слоем распределилось по полу. Мне было настолько противно копаться во всем этом барахле, где заскорузлые дырявые носки соседствовали с деталями радиоаппаратуры, а грязные одноразовые тарелки и стаканчики с растрепанными мужскими журналами, что я просто не глядя сгреб все в кучу, точно бульдозером, и затолкал в мешок. Еще минут десять я яростно орудовал тряпкой, стараясь выскрести грязь из всех щелей, но и

после этого помойный запашок еще долго меня преследовал. Жан мне потом даже туалетный дезодорант выдал, но он благоухал еще невыносимей.

Главным украшением каюты служила стена над койкой, сплошь заклеенная картинками, вырезанными из тех самых журналов. Я сперва стал их обрывать все подряд, но вскоре темп замедлился, и некоторые фотографии моя рука начала пропускать. Да, подавляющее большинство картинок являли собой полнейшее непотребство, и их я срывал без раздумий, но некоторые были вполне ничего и даже доставляли определенное эстетическое наслаждение.

Из тяжелых раздумий, кого казнить, а кого миловать, меня вывел вздрогнувший под ногами пол. Судя по всему, развертывание мачт было завершено. И почти сразу же ожил интерком, хрипло хрюкнув и объявив голосом Жана:

– Кушать подано, господа!

Я поднялся на ноги, сгреб в охапку мусорный мешок и вышел в коридор. Разумеется, я забыл, в какую сторону следует идти, чтобы попасть в столовую, и естественно повернул не туда. И это оказалось даже кстати, поскольку таким образом мой путь пролегал мимо душевой и туалета, которым я не замедлил воспользоваться. Здесь имелось две секции – одна для невесомости, а другая для нормальных условий. Воистину, все познается в сравнении, и прелесть самого обыкновенного унитаза можно как следует прочувствовать лишь после того, как попробуешь хотя бы несколько дней мочиться в пылесос.

К тому времени, как я доковылял, наконец, до столовой, вся остальная команда уже была в сборе. Я ожидал увидеть типичный казенный интерьер с замызганным столом и подносами, в выемки на которых раскладывают разноцветную пасту, именуемую едой, но открывшееся мне зрелище буквально перевернуло все с ног на голову. Мне даже захотелось выглянуть обратно в коридор, чтобы убедиться, что я все еще в космосе, на орбитальной драге, за две сотни световых лет от дома.

Белоснежная скатерть. Тарелки. Солонка, перечница и зубочистки с салфетками посередине стола. Жан в фартуке и белом колпаке, под который он спрятал свои длинные волосы. Но самым безумным, что увидели мои глаза, являлись Борис и Гильгамеш, державшие в руках ножи и вилки.

– Наконец-то! – всплеснул руками Жан, увидев меня, застывшего в дверях с разинутым ртом и мешком мусора в руке, – давай, присоединяйся, а то остынет!

Немного опасливо, словно боясь вспугнуть чудное видение, я приблизился к столу и сел на свободный табурет. Передо мной словно по волшебству возникла тарелка с дымящимся омлетом, а я тем временем лихорадочно вспоминал, что надо держать в правой руке, а что в левой.

– Что-то не так, юнга? – осведомился Борис, внимательно за мной наблюдая.

– Просто... как-то... неожиданно видеть здесь... вот все это, – я кивнул на салфетницу и зубочистки.

– Отчего же неожиданно? На работе и на войне что главное? Вовремя подкрепиться! – в глазах капитана промелькнула озорная искорка, – не зря ведь еще древние греки говорили: Lorem Ipsum – Para Bellum, что означает: ты ешь то, что ты ешь! Жуй давай!

Со стороны плиты послышался не то тяжкий вздох, не то сдавленный стон, полный невыразимого страдания, но к этому моменту мой желудок уже окончательно перехватил власть у мозга. Я взял со стола нож и вилку и набросился на еду, позабыв обо всем на свете.

Эка невидаль, омлет, скажете Вы, и будете тысячу раз неправы! Для начала попробуйте, опять же, денек-другой питаться исключительно консервами и разведенными сублимированными продуктами, а уж после говорите. Да и какой это был омлет! Из настоящих яиц, с ветчиной и свежими помидорчиками, да еще посыпанный сверху ароматным зеленым лучком! Плюс огромный ломоть хлеба, щедро намазанный маслом. Знаете, я бы и на Земле за такое угощение душу продал, а уж здесь-то!

Неудивительно, что за едой никто не разговаривал. Потом был еще чай с настоящим лимоном и сдобными булочками, покончив с которым, Борис отодвинул пустую чашку, поблагодарил Жана и объявил:

– Не знаю, как Вы, а я сегодня чертовски интересный сон не досмотрел. Так что я – на боковую, чего и вам желаю. Точнее, приказываю! Мне не нужны завтра ваши вывихнутые от зевоты челюсти. Так что всем – спать! Подъем на сей раз по собственному усмотрению, нормальный рабочий график после наладим.

Душевая у нас на всех имелась только одна, поэтому пользоваться ей приходилось в порядке очереди. И я, как самый младший член экипажа, оказался в ее конце. Что, впрочем, меня не сильно расстроило, поскольку Жан выдал мне комплект чистого постельного белья, и я еще некоторое время возился в каюте, готовя себе постель.

Стоя в душевой кабине под льющимися сверху струями горячей воды и смывая с головы пенящийся шампунь, я напомнил себе, что у меня под ногами – бездна Космоса, а буквально за стеной – глубокий вакуум, и наша утлая лодчонка несется сквозь эту темную пустоту со скоростью в несколько сотен километров в секунду. Выглядело это все настолько нелепо, что я даже рассмеялся.

Позже, лежа в чистой, накрахмаленной по старинке постели, и ощущая всем телом, как искусственная сила тяготения заботливо прижимает меня к мягкому матрасу, я выключил свет, открыл иллюминатор, имевшийся в каждой каюте, и некоторое время смотрел на плывущие по небу звезды. Если прижаться носом к стеклу, то можно было даже увидеть край темной звезды, из-за которого они выныривали. И ни одной живой души кроме нас четверых на многие световые года вокруг. Зашторив окно, я, перед тем, как провалиться в бездну сна, еще успел подивиться, какие чудные коленца выкидывает иногда Судьба!

Хоть я в нее и не верю.

Проснулся я относительно рано, учитывая, насколько веселой выдалась прошедшая ночь. Умыться мне удалось без очереди, и я в приподнятом настроении направился напрямик в рубку. Борис, однако, устроил мне легкую выволочку за то, что я явился не позавтракав и направил меня к Жану. Тот порадовал меня роскошным бифштексом, который поджарил прямо в моем присутствии, а запивал я это счастье свежесваренным (а не свежеразведенным) кофе.

Такая жизнь мне нравилась, и в рубку я вошел, готовый горы свернуть, если потребуется.

Быстрая проверка показала, что за ночь ничего неожиданного не произошло. Привязка держалась надежно, и зенитный визир педантично перебирал заданные реперы. Судя по показаниям, Борис немного подкорректировал нашу орбиту, но с точки зрения обеспечения связи, это ни на что не влияло.

– Какие-нибудь депеши отослать надо? – поинтересовался я.

– Сейчас нет, докладывать пока не о чем, – капитан погрозил мне пальцем, – но ты не думай, что работы нет. Если ты запомнил, то на твоей ответственности еще все системы безопасности. Пожарка, видеонаблюдение и все прочее. Так что займись. Если что-то неисправно – почини, если в порядке – настрой как положено. Все должно работать как часы.

– Будет сделано!

– Да, и не забудь, коли уж связь стабильная, наладить регулярную синхронизацию некролога с центральным сервером.

– Синхронизацию... чего? – непонимающе нахмурился я.

– Аварийного самописца, чего же еще!

– А! Понял! – из моей груди вырвался вздох облегчения, – прошу прощения!

– Не за что, – проворчал Борис и отвернулся.

До чего же остер бывает порой народный фольклор! Уж если назовут что-нибудь, то припечатывают так метко, что вовек не отскребешь. Мог ведь и сам догадаться, что имелось в виду.

Космос – настолько серьезное место, что в случае серьезной аварии, как правило, от потерпевших мало что остается. И никакие «черные ящики» не выдержат тех передраг, что могут приключиться. Поэтому все важные данные с бортовых компьютеров регулярно сбрасываются на центральный сервер, откуда их потом и берут при расследовании, ежели с кораблем стряслась беда. Последние секунды жизни так, конечно, восстановить не получится, но можно хотя бы попытаться определить, что стало причиной трагедии. И это мрачноватое словечко «некролог» как нельзя удачно вписывалось в данный контекст.

Работы и впрямь оказалось немало, но меня она не страшила. Сверившись с инструкциями, я собрал аварийную базу данных, подшив в нее все показания телеметрии, переговоры по интеркому и записи с камер наблюдения, расположенных в критических местах. Рубка управления, реакторный блок, стыковочные узлы и так далее. На все про все у меня ушло те так уж и много времени. Я подписал всю эту солянку нашими реквизитами и составил запрос на синхронизацию.

Первая попытка оказалась неудачной, но я и сам уже сообразил, что сморозил глупость, поскольку пытался начать передачу в тот момент, когда наша драга находилась за звездой. Со второго раза все прошло без сучка без задоринки. После этого я смастерил себе небольшую памятку, которую повесил в углу экрана. Она автоматически показывала, когда канал доступен, а когда нет, предупреждая, таким образом, повторение подобных ляпов. Получалось, что за один оборот, длящийся около полутора минут, у нас было около минуты связи и тридцать секунд тишины.

– Как часто синхронизировать? – уточнил я у Бориса.

– Раз в сутки или в любое время по моему приказу.

– Совсем уж в любое время не получится, у нас на каждом витке есть полминуты тени.

– Ты за меня так не беспокойся, – он недовольно покосился на меня, – я законы физики знаю.

– Вас понял! – я поспешил вернуться к работе. Похоже, что лучшим рецептом общения с Борисом было: больше дела, меньше разговоров. Надо брать пример с Гильгамеша.

Еще я организовал в системе дополнительный аккаунт, чтобы иметь возможность подключаться к ней со своего планшета. Теперь я мог выполнять практически всю свою работу, находясь в любом месте корабля. Хоть лежа на диване в своей каюте. Однако, чтобы избежать упреков в лени, капитану я решил пока что ничего не сообщать. Это ведь моя кухня, и его она не касается.

Вскоре та часть работы, которую можно было выполнить с рабочего терминала, была закончена, и мне пришлось выковырнуть свой зад из кресла и немного побегать. Надо было еще проверить пожарные датчики и настроить уровень громкости на всех видеокамерах, а для этого требовалось все их обойти и перед каждой сказать несколько слов. Покончив с жилым уровнем, я вытянулся по стойке «смирно» рядом с Борисом.

– Разрешите обратиться!

– Чего тебе?

– Для проверки оборудования мне требуется попасть на стыковочный и реакторный уровни.

– Валяй! – отмахнулся капитан, но увидев, что я не спешу уходить, снова повернулся ко мне, – что еще не так?

– Если честно, то я не знаю, как это сделать.

– Ну ты даешь! – хохотнул Борис и нажал кнопку на интеркоме, – Жан! – *Que desirez-vous?*

– Прокати-ка нашего юнгу на лифте, а то он один боится.

– Ладно.

– Вообще-то я не боюсь, просто... – попытался оправдаться я, но Борис меня перебил:

- Отставить разговоры! К лифту шагом марш! Жан, заberi его.
- Пошли парень, – долговязый повар протянул ко мне руку.
- И бормоталку не забудь! – донеслось нам вслед.
- Чего-чего? – я по-прежнему не очень хорошо ориентировался в местном сленге.
- Рацию! – Жан схватил меня за рукав и вытащил в коридор, – не везде же интеркомы

на стенах развешаны.

Пока мы ждали лифт, он достал из стенного шкафчика, расположенного рядом с дверью в шахту, небольшую потертую рацию с белой цифрой «4» и вручил мне.

– Вот, держи. Бери ее с собой каждый раз, когда покидаешь жилой уровень. При возвращении вещей ее обратно в шкафчик, чтобы заряжалась, а то они у нас старенькие, аккумулятора надолго не хватает. Если надо кого-нибудь вызвать, – Жан указал на цифровую клавиатуру, – то Боров у нас первый, Гильгамеш – второй, а я, соответственно, третий. Ноль – общий вызов. Все ясно?

– Вполне.

– Вот и чудненько, – огонек возле двери загорелся зеленым, – заходи.

Я открыл люк и шагнул в довольно просторную кабину, со стен которой свисали многочисленные крепежные ремни, предназначенные для фиксации перевозимых грузов. На панели управления здесь имелось всего две кнопки.

– Одна кнопка – «туда», другая – «обратно». Если надо попасть на реакторный уровень, то сначала добираться до причального, а потом рвешь дальше, *comprende?*

– Угу.

– Задраиваешь люк, нажимаешь кнопку, ждешь, пока проверяется герметичность и открывается клапан, а потом – вперед! По прибытии на место – все то же самое, только в обратной последовательности.

– А Вы не поедете? – несколько растерялся я.

– *Pourquoi faire?* У меня что, других дел нет? Или ты самостоятельно кнопку нажать не сможешь?

– Смогу.

– Так нажимай! – Жан, чувствовалось, с некоторым злорадством захлопнул внешний люк, и до меня донесся его приглушенный смеющийся голос, – имей в виду, вентиляции в кабине нет, и этот воздух поедет с тобой до самого конца, так что постарайся его с перепугу не испортить!

Мне ничего не оставалось, как вздохнуть и последовать его нехитрым инструкциям. Нянчиться со мной тут явно никто не собирался. Это тебе не институт.

На орбитальной станции я уже катался на лифтах, поэтому здесь я ничего нового для себя не открыл. Сперва шипит выходящий из шахты воздух, щелкают какие-то реле, потом жужжит и лязгает отходящий в сторону клапан, а после...

Пол с такой силой наподдал мне под ноги, что я не устоял. К счастью, как раз для таких олухов, как я, все стенки кабины были заботливо застланы мягким покрытием, так что я ничего себе не ушиб и не сломал. Ускорение оказалось столь энергичным, что я даже не предпринимал попыток подняться. На станции, помнится, все происходило куда деликатней, хотя, если учесть, какая ничтожная сила тяжести там была, все становилось понятным. Чем сильнее гравитация, тем интенсивней перегрузки при разгоне.

Стартовый импульс длился недолго, секунд через десять меня подбросило в воздух, и я рефлекторно ухватился за первый подвернувшийся под руку ремень. От рывка я закрутился волчком и немедленно утратил всяческую ориентацию. Наверное это и к лучшему, что Жан не поехал со мной – в минуты такого позора я предпочитаю обходиться без свидетелей. В конце концов я причалил к одной из стен, и мне оставалось только надеяться, что в момент торможения именно она окажется полом. К счастью, я угадал.

Выплывая из лифта, я поклялся себе больше так не срамиться. Трех поездок на мачтовом лифте должно быть вполне достаточно, чтобы извлечь все необходимые уроки из своих ошибок, если ты не полный идиот, конечно.

Увы и ах – причальный уровень являлся царством невесомости, и я пожалел, что не подождал чуть дольше, пока мой утренний бифштекс не продвинулся подальше по желудочно-кишечному тракту. Теперь же он стучался где-то внизу пищевода и настойчиво требовал к себе внимания. Что ж, придется терпеть.

Я протестировал камеру, висевшую в лифтовом холле, и поплыл дальше, двигаясь медленно и аккуратно, чтобы постараться, пока есть возможность и, опять же, нет зрителей, выработать навыки безопасного передвижения в отсутствие гравитации. Здесь главная проблема – побороть глубоко въевшуюся привычку, что любое брошенное тело, в том числе и твое собственное, движется по параболе, и перестать вносить на это поправку. Иначе будешь постоянно врезаться в потолок. Держа это в уме, я без особых приключений добрался до двери в комнату оператора портального бура, где располагалась еще одна камера. Над изяществом движений поработаем в следующий раз.

Тут меня подстерегала определенная дилемма, поскольку на приоткрытой двери висела скрученная откуда-то табличка «посторонним вход воспрещен!» Вот как это понимать? Я, член экипажа, – посторонний или нет? Откуда здесь вообще могут взяться посторонние? Я со своей нерешительностью мог бы стоять (точнее, висеть) в раздумьях перед этой надписью очень долго, но в этот момент мой слух уловил весьма странные звуки, и я начисто позабыл про табличку.

Сквозь гул и жужжание механизмов явственно слышался голос Гильгамеша, и он с кем-то разговаривал. Причем не просто односложно отвечал на реплики неизвестного собеседника, а именно *разговаривал*.

Я был знаком с ним всего-то один день, да и тот неполный, но мне казалось, что характер здоровяка весь как на ладони, и никаких неожиданностей не сулит, а потому данный факт меня даже слегка обеспокоил. Мелькнула мысль, что он просто слушает какую-нибудь аудиокнигу, что выглядело бы тоже странно, но не настолько пугающе, однако голос был, несомненно, Гильгамеша, а представить, будто он начитал в микрофон целую книгу, казалось решительно невозможным.

Мое любопытство пересилило мои сомнения, и я осторожно толкнул дверь и просунул голову в щель. Я увидел болтающуюся в воздухе грудку инструментов и деталей оборудования, к каждой из которых, при внимательном рассмотрении, тянулась веревочка с карабином на конце.

В самой гуще виднелись ноги нашего техника, а все остальное скрылось за распахнутой крышкой какой-то приборной стойки, и именно оттуда доносился его рокошующий голос.

– Сейчас, радость моя, еще две гаечки осталось, и побежишь как заново родившаяся! Задышишь, наконец, полной грудью. Эх, дубина я бессовестная! Давно уже надо было тебе этот чертов дроссель заменить, да все руки не доходили. Ну ты же знаешь, как это бывает – то одно, то другое... Так закрутился, что совсем про тебя, моя ненаглядная, и позабыл. Но ничего, теперь я здесь, с тобой, и, думаю, еще долго никуда отсюда не денусь. Мы на этом шарике, похоже, зависнем не на одну вахту. Ну вот, готово! Осталось только крышечку закрыть.

Гильгамеш вынырнул из глубин стойки, захлопнул крышку и только сейчас обнаружил мое присутствие.

– Ты кто такой!? – недовольно рыкнул он.

– Олег.

– Читать умеешь? Надпись на двери видел?

– У Вас было открыто, – я вплыл в дверь полностью.

– Чего надо?

– Я должен камеры наблюдения проверить, – ответил я и, для придания своим словам большего веса, добавил, – капитан приказал.

– У меня с камерой все в порядке.

– Звука нет.

– Меня устраивает, – здоровяк насупился, ясно давая понять, что не одобряет любые попытки изменить существующий порядок вещей.

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, почему именно на этой камере оказался отключен микрофон. Гильгамеш не возражал против того, что за ним подглядывают, но он ненавидел, когда его подслушивают. И я, просунув голову в приоткрытую дверь, вторгся в его святая святых, невольно раскрыв его второе я, неожиданно мягкое и ранимое.

Было видно, что техник смущен, а потому я не стал упорствовать.

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, – я посмотрел ему в глаза, и увидел, что мы правильно поняли друг друга.

– Спасибо, – негромко буркнул Гильгамеш и отвернулся к мониторам, вытирая руки тряпкой.

Врожденное чувство такта подсказывало мне, что следует тихонько удалиться, оставив его одного, но мое любопытство оказалось сильнее. Я же никогда в жизни не видел, как работает орбитальная драга! Мне бы хоть одним глазком взглянуть!

Я, перебирая руками по стенам, осторожно подобрался ближе и заглянул Гильгамешу через плечо. На экране монитора перед ним была видна ярко освещенная прожекторами погрузочная штанга, заканчивающаяся обручем выходного портала. Справа выстроились колонки цифр, которые мне ни о чем не говорили, и большинство которых болталось около нуля.

– Чего еще? – проворчал техник.

– Ничего. Просто интересно.

– Правда? – он повернул голову и посмотрел на меня с недоверием, – а что тут интересного?

– Я никогда не видел, как эта штука работает.

– Молча она работает, – на Гильгамеша мое любопытство не произвело особого впечатления, – пришел наниматься на драгу и даже не знаешь, как она устроена?

– Как она устроена, я знаю, – почему-то мне совсем не хотелось уходить, и я даже не испытывал страха, пререкаясь со здоровенной машиной, больше меня раза в три, а то и в четыре, – но одно дело теория, и совсем другое – увидеть собственными глазами.

– Любишь смотреть, как другие работают?

– Я не это имел в виду!

– Да ну!? Сходи лучше, глянь, как Жан сортир чистит. Почему никому никогда не интересно наблюдать за работой ассенизатора?

– Зря Вы так, – я даже слегка обиделся, и меня вдруг прорвало, – основным интерес ведь не в том, *что* человек делает, а в том, *как* он это делает. Если ассенизатор – мастер своего дела, то на его упражнения с лопатой и в самом деле посмотреть приятно. Без шуток. Я смотрел, как Борис пилотирует, и у меня аж дух захватывало. Я наблюдал за тем, как Жан готовит мне бифштекс – любо-дорого посмотреть. А чем Вы хуже них?

– Горазд же ты разглагольствовать, – прокомментировал Гильгамеш мое выступление после небольшой паузы, – хотя до Жана тебе еще далеко. Когда мы отдыхали в Находке, он так языком чесал, что тот у него даже обгореть успел. Мне, вообще-то не жалко, смотри, коли и впрямь интересно, – он указал мне на табурет рядом, – но ты слишком наивен, думая, будто видел, как Боров *пилотирует*.

Я устроился на табурете, обхватив его ногами. Не то, чтобы сидишь, но, по крайней мере, никуда не улетаешь. Отсюда, конечно, вид был лучше. Здоровенные пальцы Гильгамеша легко

касались виртуальных веньеров на панели, управляя работой бура, и при этом он что-то бормотал себе под нос: «Бурум-бурум». Наверное, примерно так похрапывает спящий вулкан.

– Ага, попался! – воскликнул вдруг техник, подавшись вперед и всматриваясь в бегущие по экранам цифры.

– Кто? – не понял я, но тут же прикусил язык, поскольку Гильгамеш повернулся и так недовольно на меня посмотрел, что мне захотелось немедленно провалиться сквозь землю, – то есть... я хотел сказать...

– Да спрашивай ты, не бойся! Я не кусаюсь.

Я закашлялся, давась смехом, и техник, расслабившись, гулко рассмеялся вместе со мной. То ли он уже давно истосковался по нормальному собеседнику, то ли я чисто случайно сумел сказать нужные слова, но после этого лед между нами был растоплен окончательно.

– Что там видно?

– Углерод пошел.

– Углерод? А в каком виде? Здесь и вправду можно алмазы добывать? – осмелев, спросил я.

– Я так понимаю, и сами астрофизики не очень-то хорошо представляют себе, что именно творится в звездах на большой глубине. Посмотрим – узнаем, – проворчал Гильгамеш и снова взялся за веньеры. Силовые шкафы за моей спиной запели на новой высоте, и цифры на экране возобновили свой бег, отслеживая перемещение портала, – Ха! Если раньше нас называли «Потрошителями планет», то теперь мы, получается, «Потрошители звезд».

– А какие богатства, вообще, здесь добывать можно?

– Тут у нас есть водород, гелий, азот, кислород, кремний, железо и так далее, вплоть до трансурановых. Но главная наша цель – углерод, до которого мы только что докопались.

Мне пришлось изрядно напрячь глаза, чтобы разглядеть в центре обруча темно-красный волосок.

– Хм, странно, – пробормотал я.

– Что не так?

– Я ожидал, что он будет черным.

– Не забывай о температуре, – проворчал Гильгамеш, – разве угли в костре черные?

– Да, я уже сообразил. Но почему струя такая тонкая? Каков диаметр портала?

– Десять микрон, – техник усмехнулся, увидев выражение моего лица, – ты умножь его площадь на нашу орбитальную скорость, а потом еще учти, что плотность вещества там, под нами, – он ткнул пальцем в пол, – сотни кило на кубический сантиметр. У нас сейчас из этой дырочки несколько тонн в секунду вылетает.

– Аргх! – я устался на экран, пытаюсь уложить в голове, каким образом могут проскакивать тонны вещества через отверстие, в которое даже человеческий волос не пролезет.

– Не переживай, – успокоил меня Гильгамеш, – при загрузке лихтера мы открываем окошко пошире.

Он коснулся веньеров, и струя заметно прибавила в толщине и плотности, став похожей на раскаленный докрасна железный лом. Сейчас ее свечение уже не терялось на фоне ярко освещенной рамы портала. На другом мониторе, транслировавшем картинку с камеры, направленной назад, можно было видеть, как бесформенное черное облако густой угольной пыли будто пожирает искорки звезд.

– Вот. Специально для тебя. Сто пятьдесят тонн в секунду.

– То есть лихтер можно загрузить буквально за пару минут? – я лихорадочно пытался представить себе груженные углем железнодорожные вагоны, гурьбой пролетающие перед нами.

– Не-е-е, – протянул Гильгамеш, – не так все просто. Струю надо поймать, затормозить, потом охладить, а на все это нужно время и масса энергии. Так что загрузка производится порциями. Забросил – подождал, забросил – подождал. Думаю, не менее суток получится, – он

крутанул веньер и вернул портал в исходное состояние, красное свечение померкло, – хватит баловаться, а то Боров с нас шкуру спустит.

– За что?

– Так ведь все это дерьмо уже через несколько витков осядет на нашей «Берте». На всех иллюминаторах и камерах. Будем чумазные как самые настоящие шахтеры. Боров потом нас же с тобой отправит наружу, тряпочками все оттирать. До блеска. Хочешь?

– Не-а.

– То-то же! – Гильгамеш отвернулся к пульта, продолжая ворчать, – хоть и выбрасываем все назад, против хода, но все равно, что-то да остается мотаться на орбите.

Я решил больше я не теребить его расспросами, и молча наблюдал за происходящим на экранах, пытаюсь сообразить, какая цифра что означает. И даже добился в этом занятии определенных успехов, но меня прервала истошно заверещающая на поясе рация.

– Да? Алло? – бодро крикнул я, зажав кнопку ответа.

– Какое еще «Алло»? – послышался разгневанный голос Бориса, – ты кто, старушка на телефоне или юнга на боевом посту?

– Э-э-э, четвертый на связи, – отрапортовал я.

– Так-то лучше. Где тебя черти носят?

– Я... это... камеры проверяю. На причальном уровне.

– Ну да, конечно. Вижу я, как ты их проверишь. Уже битый час ваши с Гильгамешем затылки рассматриваю.

– Кхм, виноват, – я почувствовал, что краснею, – больше не повторится.

– Мне плевать, чем ты там занимаешься, пока связь работает. Но если еще раз мне совершь – отправлю на пробежку вокруг станции без скафандра. Ты меня понял?

– Так точно!

– Сворачивайте лавочку и тащите свои задницы сюда, да поскорее.

– А что случилось? – обеспокоено спросил я.

– На часы посмотри. Жан обедать зовет.

– Обед – это серьезно, – Гильгамеш выключил установку и, оттолкнувшись от консоли, плавно перекувырнулся в воздухе, – опоздавшие рискуют остаться голодными. Побежали.

Я еще не успел проникнуться общим трепетом перед ритуалом приема пищи, но все равно решил от него не отставать. А то чем черт не шутит? Вдруг твою порцию и впрямь другие съедят, если ты замешкаешься! Так что к лифту мы успели почти одновременно, только я по дороге пополнил свою коллекцию синяков парой новых экземпляров.

Не стану дразнить вас подробностями, скажу лишь, что обед стоил того, чтобы на него торопиться. В дальнейшем я не буду больше отвлекаться на гастрономические темы, а для того, чтобы вы хотя бы немного представляли себе, как мы питались, приведу простое сравнение. В столовой орбитального отеля меню строится по недельному графику, а кормежка у тех, кто взял первый класс, повторяется через десять дней. Жан же за первый месяц нашей вахты умудрился не повториться ни разу! И мы, кстати, никогда не ели у него из консервных банок и не выдавливали себе в рот сок из пластиковых пакетиков. В какой-то момент я даже начал беспокоиться за свою комплекцию и взял за правило хотя бы через день навещать тренажерный зал. Вот так-то!

Покончив с обедом, все снова разбрелись по своим делам. Я прокатился с Гильгамешем на лифте до причального уровня, а потом отправился дальше, на уровень реактора, чтобы закончить с камерами и сигнализацией. Здесь, среди гула турбин и жужжания высоковольтных трансформаторов, я провозился больше часа. К счастью, имевшаяся на этом конце мачты искусственная сила тяжести надежно удерживала только что съеденный харчо в желудке, а потому я никуда и не торопился. Мысль о том, что я здесь болтаюсь один-одинешенек, подве-

шенный над огненной геенной на тонкой двухкилометровой ниточке, немного щекотала нервы, но не страшила.

Я бы мог торчать у теплого реактора и дальше, мне даже пришла в голову идея найти укромный уголок, который не виден с камер наблюдения, и слегка вздремнуть, но Борис вызвал меня на мостик.

Гильгамеш закончил, наконец, сканирование внутренностей звезды, и от меня требовалось сочинить соответствующую депешу для Гершина.

Кроме того, надо было еще подать заявку на разработку недр и оформить все сопутствующие документы. Так что прикорнуть у меня не получилось, и я просидел перед монитором почти до самого ужина.

– Имей в виду, юнга, – наставлял меня капитан, – мы подцепили чертовски лакомый кусочек, и в желающих отобрать его у нас недостатка не будет. Малейшей оплошности с нашей стороны может оказаться достаточно, чтобы отозвать нашу лицензию и отдать разработку кому-нибудь другому. Так что будь предельно внимателен!

В общем, возможности расслабиться мне так до самого вечера и не представилось. Направляясь в столовую на ужин, я еле волочил ноги, а перед глазами у меня плясали таблицы и формы, которые я заполнял несколько часов кряду.

Ужин, однако, пришлось немного задержать, поскольку Борис почему – то застрял в рубке. Мы с Гильгамешем молча сидели за столом перед пустыми тарелками и буквально спяной ощущали истощаемое Жаном недовольство, нараставшее с каждой минутой. Когда же капитан, наконец, явился, вид у него был озадаченный. Он, не сказав ни слова, прошествовал к своему месту и сел, взяв в руки вилку и нож.

– Que s'est-il passe, Боров? – осведомился Жан, подавая ему салат, – что-то серьезное?

– Похоже, у нас появился первый клиент, – проворчал капитан в ответ и, продолжая пребывать в задумчивости, едва не промахнулся вилок мимо тарелки.

– Ну, это не настолько страшное ЧП, чтобы опаздывать к столу! – повар облегченно перевел дух.

– Так я еще не сказал, кто именно наш клиент.

– И кто же?

– Никары.

Знаете, в первый момент меня больше поразило даже не то, что именно сказал Борис, сколько выбор термина, которым он воспользовался.

Никары.

Странно. В его устах куда уместней звучало бы привычное слуху «космодранцы» или «ушельцы», а то и еще что похуже, но он выбрал именно это слово, несущее на себе легкий привкус романтики. От нашего немного грубоватого капитана я ожидал чего угодно, но только не подобной щепетильности. А вот собственно смысл сказанного я осознал несколькими мгновениями позже.

– Никары!? – от удивления я поперхнулся, и Жан поспешно подал мне стакан с водой.

– Такое впечатление, будто они подслушивали у нас под дверью, – Борис словно не заметил моего замешательства, – запрос от них поступил спустя всего несколько минут с момента опубликования нашей оферты, – капитан обвел присутствующих взглядом, – платят они щедро, так что почему бы и нет? А?

– Так это же здорово! – Жан аж сиял, – о таких клиентах мечтать только можно!

– Но я... – мне пришлось еще раз прокашляться, прежде чем я смог говорить, – я всегда полагал, что они давно уже.

– Нет, никары – не легенда, и они более чем живы и реальны, – предвосхитил Борис мою мысль, – это не афишируется, но они регулярно выходят на контакт для приобретения требуемых им материалов или оборудования. Они работают исключительно с неправительственными

организациями и частными фирмами, а в случае огласки контракт немедленно разрывается. Именно поэтому ты, юнга, ничего о них и не знаешь, – капитан усмехнулся, – они невероятно скрытны, но при этом весьма щедры, а потому при общении с ними слова: «молчание – золото» приобретают буквальное звучание. Делай свою работу, да помалкивай, тогда внакладе не останешься и пристального внимания спецслужб избежишь. Я доступно объясняю?

– О, да! – торопливо закивал я, – хотя вопросов осталось еще много.

– Вопросы подождут, – раздраженно отмахнулся Борис, – давай, ешь быстрее, а потом, прежде чем идти спать, настрой нам нормальную связь через ретранслятор. Босс платит. Похоже, эти ребята выдали ему очень неплохой аванс.

За едой на «Берте», как я понял, разговаривать не было принято, а потому я последовал примеру остальных и энергично заработал вилкой. Многочисленные вопросы тем временем громоздились друг на друга в моей голове, грозя вскоре перерасти в настоящий мыслительный затор. Не забыть бы сделать то, о чем Борис просил.

Ретранслятор – это хорошо, а точнее даже здорово! Мы находились не так далеко от освоенных областей, и пару-тройку станций должно быть видно. Аренда канала стоит, конечно, немаленьких денег, но зато тогда у нас будет постоянное соединение с Землей, что означает возможность видеосвязи и доступ к сети и телетрансляциям. Можно будет домой нормально позвонить, а не письма слать, как из глухой деревни.

Быстро поев, я побежал в рубку, чтобы посмотреть, что у меня получится. Как и ожидалось, две станции-ретранслятора обнаружились совсем недалеко (по космическим меркам, разумеется). Куда больше времени у меня ушло на всяческие формальности с оформлением заявки, подтверждением оплаты от Гершина и прочая и прочая. Как же я ненавижу всю эту бюрократию, которая только мешает чистому и незамутненному общению с техникой!

В итоге, где-то через пару часов канал связи у меня уже работал, и я даже хотел позвонить домой, но вовремя спохватился, взглянув на часы.

Тормозить домашних было уже поздно. Ну да ладно, похвастаться некому, зато душевая наверняка уже освободилась...

Забравшись под одеяло, я взял в руки планшет, чтобы еще разок заслуженно насладиться плодами своих трудов. Удивительно, насколько сокращаются расстояния при наличии надежной и быстрой связи. Если задуматься, то от дома меня отделяет такая бездна, что если посмотреть отсюда на Землю в достаточно мощный телескоп, то можно увидеть, как там по железным дорогам колесят копящиеся паровозы, а моя прабабка еще и не родилась даже. Но я сейчас, ткнув пальцем в планшет, могу ознакомиться со всеми последними новостями и сплетнями, и кажется, что весь этот бурлящий своей жизнью мир совсем рядом – стоит лишь выглянуть в иллюминатор. Почти как на даче отдыхаешь.

Немного удовлетворив, таким образом, информационный голод, я полез в справочники, желая освежить свои познания о наших будущих клиентах.

Вся эта история с космодран., простите, никарами имела место лет пятьдесят назад, еще задолго до моего рождения, так что я изучал те события исключительно по новостным архивам. Именно поэтому в моем представлении они были овеяны ореолом легендарности и легкой неправдоподобности. А когда ты неожиданно нос к носу сталкиваешься с чем-то, что ты сам считал выдумкой или сказкой, то неизбежно теряешься. Как я за ужином.

Вообще, тот застарелый конфликт отдавал довольно неприятным душком, который за прошедшие годы так и не выветрился до конца. Но если эти ребята платят и платят хорошо, то какая разница! Тем более что лично у меня к никарам никаких претензий не имелось.

Началось все на волне всеобщего энтузиазма, поднявшейся после открытия технологии пространственных порталов. Тогда казалось, что теперь весь космос лежит перед человечеством как на ладони, что Вселенная – наш большой дом, в котором для нас открыты все двери.

Некоторые заговорили о превращении *homo sapiens* в *homo cosmicus*, освободившегося от пут земной гравитации и выбравшегося, наконец, из своей колыбели.

Для подавляющего большинства людей это было не более чем красивым поэтическим пассажем, но некоторые, как выяснилось, восприняли сей посыл донельзя буквально. Довольно скоро сформировалась группа энтузиастов, провозгласившая своей целью построение автономного человеческого социума, обитающего в космическом пространстве и не привязанного к Земле или какой-либо другой планете и даже звезде.

Они предполагали построить большую космическую станцию, рассчитанную на постоянное проживание нескольких тысяч и даже десятков тысяч человек, и которая, функционируя полностью автономно, могла бы свободно перемещаться по Галактике, используя порталные генераторы. Таким образом, говорили они, мы сможем уберечь человечество от вымирания, которое неизбежно грозит ему, если оставаться жить на одной-единственной планете.

Эти фантазии быстро стали мишенью для шуток, карикатур и анекдотов от вполне безобидных до откровенно издевательских. Никары же (хотя тогда их так еще никто не называл, обычно их именовали «ушельцами») демонстрировали буквально олимпийское спокойствие и продолжали гнуть свою линию, хотя никому в голову не приходило воспринимать их идеи всерьез. Ну, или почти никому. Как выяснилось, их энтузиазм успел заразить немало весьма влиятельных людей. Кого-то манила романтика неизведанного, кто-то искал новые пути для самореализации, а некоторые видели в этом безумном проекте прекрасную возможность для рекламы. Так или иначе, но целый ряд частных предпринимателей согласился вложить в проектирование и строительство станции свои деньги, к работе подключились многие грамотные специалисты, оставившие свои теплые места в государственных космических агентствах, и уже довольно скоро мечты начали обретать вполне материальное воплощение.

Место для стройплощадки было выбрано за орбитой Нептуна с тем, чтобы добывать все необходимые для работы материалы из астероидов пояса Койпера. Необходимое оборудование забросили вместе с персоналом через порталы, и стройка закипела. Поскольку любые бюрократические проволочки старались свести к минимуму, то дело продвигалось исключительно быстро, и уже меньше чем через год первая очередь станции, нареченной «Николай Коперник», приняла своих обитателей.

Прежнее ироническое отношение праздной публики к проекту сменилось неподдельным любопытством, чем никары не замедлили воспользоваться. Любой желающий за вполне умеренную плату мог совершить экскурсию на строящуюся станцию и даже пожить на ней пару дней. Поскольку недостатка в туристах не наблюдалось, то проект не испытывал проблем с финансированием, а кроме того, подобная практика являлась отличным способом привлечения новых сторонников.

Строительство «Коперника» было завершено в рекордные сроки, но к тому моменту, как станция вступила в строй, стало очевидно, что реализовать все задуманное на ней не удалось. И в первую очередь не удалось добиться полностью автономного существования.

Энергетические мощности и производительность оранжереи оказались явно недостаточными, а вместимость всего в тысячу человек не позволяла надеяться на поддержание устойчивой популяции в течение достаточно продолжительного времени. Однако в ходе ее эксплуатации удалось накопить поистине бесценный опыт, получить который иным способом было попросту невозможно.

Учтя прошлые ошибки, никары перешли ко второму, гораздо более масштабному этапу своего плана, который называли «Джордано Бруно». Новый проект буквально потрясал воображение своим размахом. Его вместимость достигала десяти тысяч человек и, при необходимости, могла еще наращиваться. Станция должна была стать для своих обитателей именно домом, а не бездушной научной станцией для проведения рискованных экспериментов над самими собой. А дом должен быть просторным, безопасным и *комфортным*. В перечне моду-

лей «Джордано» значились детский сад, школа, полноценная больница со всем необходимым оборудованием, несколько магазинов, ресторанов и развлекательных центров, и прочие, диковинные для обычных орбитальных станций, но вполне привычные на Земле заведения. В перспективе также планировалось создание большого вращающегося отсека, где имитировалась бы сила притяжения, и где предполагалось устроить зону отдыха с садом, фонтанами и настоящим, пусть и небольшим, бассейном. Вспыхивали даже дискуссии насчет того, стоит ли превращать станцию, которая призвана продемонстрировать человечеству новый стиль жизни, в жалкое подражание оставленной позади планете.

Но дискуссии дискуссиями, а работа не останавливалась ни на минуту. Тем временем любопытство обывателей постепенно сменялось глухим раздражением. Все громче звучали недовольные голоса, возмущенные тем, что кучка авантюристов тратит огромные деньги и ресурсы неведь на что, когда их можно было бы применить с гораздо большей пользой и здесь, на Земле. В ответ на подобные замечания один из идеологов нового исхода заметил, что они – всего лишь следствие зависти рожденных ползать к тем, кто осмелился летать. Именно тогда между никарами и остальным человечеством пролегла первая глубокая трещина. Кроме того, вскоре выяснилось, что первая станция, «Коперник», изначально задумывалась как полигон для отработки тех или иных технических и организационных решений, а самое главное – как средство зарабатывания денег на потоке туристов. Не более того. Многие узлы и системы на первой станции, вообще, являлись откровенно бутафорскими и присутствовали лишь для вида.

Эта информация держалась в строгой тайне, но рано или поздно она неизбежно должна была просочиться наружу. Разразился скандал. Люди, выложившие немаленькие деньги за посещение настоящей космической станции будущего, в действительности получили муляж. Стало ли то своеобразной мстью никаров за прошлые издевки, или же они были вынуждены пойти на такой шаг под давлением обстоятельств, сути дела это уже не меняло. Чувствуя себя обманутыми, вчерашние туристы буквально завалили суды исками, но безрезультатно. Все договора составлялись исключительно грамотно и не оставляли лазеек для предъявления претензий.

Не имея возможности добраться до непосредственных обидчиков, истцы набросились на тех, кто помогал им здесь, на Земле. Организации и частные фирмы, вовлеченные в работу над «Джордано», начали испытывать серьезное давление, вплоть до пикетов, забастовок и даже погромов. Подобный поворот событий существенно усложнил строительство новой станции, тем паче, что оно требовало на порядок больших затрат.

Но настоящий гром грянул, когда одна из компаний, активно участвовавших в строительстве станции, и чей владелец являлся убежденным сторонником никаров, неожиданно объявила о своем банкротстве. Кредиторы, жаждавшие заполучить подозреваемого в растрате средств разорившегося бизнесмена в свои объятия, выяснили, что он находится на «Копернике» вместе со всеми членами своей семьи, и потребовали его выдачи, но получили от ворот поворот. Руководство станции отказалось подчиняться требованиям действовавших на Земле законов. То явилось той самой последней каплей, что переполнила чашу. Нарыв, зревший уже давно, наконец, лопнул.

Все сведения о событиях тех дней я черпал из земных архивов, а потому мне постоянно приходилось держать в уме старую истину, гласящую, что историю пишут победители. Исходя из имевшейся в моем распоряжении информации, мне сложно было судить, что двигало никарами, и действительно ли они повинны во всех тех грехах, в коих их обвиняли. Да и земные политики навряд ли до самого конца оставались невинными овечками. Хороши были все.

Земных активистов больше всего бесила невозможность сделать что-либо с никарами; тех же, в свою очередь, раздражало любое упоминание о том, что все строительство они осуществляли фактически за счет родной планеты. Оппоненты регулярно обменивались обвине-

ниями и оскорбительными выпадами. Никаров уличали в жульничестве, финансовых махинациях, саботаже и грабежах, а те в ответ привычно парировали, что весь этот вой – порождение зависти копающихся в навозе свиней к вольно парящим в небесах птицам.

До кровопролития тогда не дошло исключительно из-за отсутствия боевых кораблей у обеих сторон, но все равно, шума было много. Стороны не стеснялись в выборе выражений, и именно тогда на смену безобидным «ушелям» пришли «космодранцы» и «гомокосмики», а также «земляные черви» и прочие «навозные шарики».

Все экскурсии, естественно, на этом закончились, но заработанных средств никарам хватило, чтобы закончить строительство «Джордано». Несмотря на яростное противодействие и прямые запреты, многие все равно продолжали сотрудничать с ними, невзирая на риск, поскольку деньги, как известно, не пахнут.

А после того, как все работы были завершены, никары активировали гигантский портал, интегрированный в конструкцию станции, и скрылись в неизвестном направлении. Вся машина «Джордано», весившая многие тысячи тонн и имевшая размер в несколько километров, исчезла в мгновение ока вместе со всеми своими обитателями.

Для многих то явилось настоящим шоком. Ведь по большому счету почти никто не верил в серьезность их намерений, никто не предполагал, что никары и впрямь отважатся порвать все связи с Землей и отправятся в автономное плавание. Но они сделали это.

Их пытались искать, с ними пытались связаться, но безрезультатно. Ведь найти иголку в стогу сена несравненно проще, чем отыскать одинокую космическую станцию в бездне космоса. Они ушли, и на фоне их безрассудства и смелости недавние обиды заметно померкли. И чем больше проходило времени, тем более романтичным и героическим становился их образ. Тогда-то и родилось слово «Никары» – сокращение от «Новые Икары».

Они стали легендой, почти культом, и многим, в том числе и мне, уже начало казаться, что вся история с «Джордано» не более чем красивая сказка, но, как выяснилось, напрасно.

На следующий день первым ярким моим впечатлением стал крик Бориса, который я услышал, как только открыл дверь каюты. Тогда я еще не знал, что он довольно часто так *разговаривает*, а потому не на шутку перепугался и побежал в рубку. Но, подойдя ближе, я понял, что капитан просто общается с кем-то по видеосвязи, только чертовски эмоционально.

На экране перед ним виднелось усталое лицо Гершина, но я не слышал, что он говорил, зато от реплик Бориса хотелось заткнуть уши, и не только из-за их громкости.

– У меня нет ни времени, ни желания, ни лишних людей, чтобы ублажать их фантазии! – кричал он, – сегодня это, а завтра? Может они еще захотят, чтобы мы все выстроились перед ними со спущенными штанами и большой надписью «Добро пожаловать» на голых задницах!? А!?

Директор что-то ему ответил, вызвав очередной приступ ругани.

– И что теперь? Раз они платят, мы должны все бросить и в клоунов переквалифицироваться? Они, в конце концов, не мне платят, а тебе – вот ты перед ними и распинайся!

Следующая реплика Гершина явно заинтересовала нашего капитана, и он даже немного снизил уровень громкости.

– Это, конечно, здорово, но у меня же здесь не сто человек, кого я... – Борис беспомощно развел руками и тут заметил меня. На его лице промелькнуло выражение, свидетельствующее о зарождении некой идеи, – ладно, я что-нибудь придумаю. Твое предложение ведь ко всем членам моей команды относится? Иначе не пойдет.

Наш босс еще больше погрузился, что-то буркнул и отключил связь. Борис развернулся ко мне.

– Уже позавтракал, юнга?

– Да я даже умыться еще не успел!

– И что ты в таком случае делаешь на мостике голодный, да еще с немой мордой?

– Просто я услышал, как Вы. и.

– Любопытство не порок, ты знаешь? Марш отсюда!

– Есть! – я крутанулся на месте и выскочил за дверь.

К завтраку капитан опять слегка припоздал, и Жан не преминул пожурить его за это.

– С кем ты там так яростно любезничал? – поинтересовался он, поставив перед ним тарелку.

– С Колей, с кем же еще?

– Чем же он так распалил тебя на сей раз?

– Ты мне что, аппетит испортить хочешь? – Борис угрюмо зыркнул на Жана исподлобья.

С учетом зажатых в руках ножа и вилки выглядело это устрашающе, а потому повар предпочел не настаивать.

Разговор возобновился, когда мы перешли к кофе.

– Дамы и господа, – начал капитан, – у меня для вас есть две новости: одна хорошая, а другая так себе.

– Начнем с хорошей, – Жан взял табурет и подсел к столу.

– Босс согласился выплатить нам за эту вахту *тройной* оклад, – Борис ткнул в меня пальцем, – и тебе, юнга, тоже. Ты впредь не позволяй никому вить из себя веревки. Если ты являешься классным специалистом, то какого черта согласился на зарплату стажера? Ты стоишь много больше!

– Ну, тогда я этого еще точно не знал, – ошарашено промямлил я.

– Зато теперь знаешь, – он снова повернулся к остальным, – но за эти деньги нам придется малость попотеть.

– Что за проблема? – Жан подался вперед.

– Вместе с лихтером прибудет челнок с одной молодой особой, желающей осмотреть нашу драгу и пообщаться с экипажем.

– *Le fantastique!* Настоящая живая... как ее... космодр... никарка!?

– У нас тут не кунсткамера, – проворчал Гильгамеш, – зеваки нам не нужны.

– Да ладно тебе, – попытался взбодрить его Жан, – что такого? Пусть посмотрит, мне не жалко.

– Для начала ее надо на борт принять, – охладил их Борис, – и вот тут уже начинаются проблемы.

– А что не так?

– В соответствии с заявкой, их челнок имеет стыковочный узел стандарта УС-860, а наш порт – УСМ-1240.

– Они до сих пор этим старьем пользуются? Бедняги, – Жан непонимающе нахмурился, – но у нас же есть переходник, пусть Гильгамеш его установит. Всего делов-то!

– Не выйдет, – буркнул техник.

– Почему?

– А ты забыл, что Коля заменил нашу спасательную капсулу на гнилой бочонок, который они сняли со списанной «Дульсинеи Тобольской»?

– «Тобосской» – поправил капитана Жан.

– Отвали, буквоед, – Борис брезгливо сморщился, – в общем, этот кусок ржавого хлама теперь перекрывает манипулятору доступ к кронштейну, на котором закреплен тот переходник. Для того чтобы его снять, кому-то придется прогуляться.

– За тройной оклад? *Pas de probleme!* – похоже, наш повар ожидал каких-нибудь более серьезных неприятностей, – в прошлый раз ты с Сашкой выходил, мне его скафандр под себя настроить?

– Нет, под Олега.

От неожиданности я сделал слишком большой глоток обжигающего кофе и аж задохнулся.

– Но... – прохрипел я, утирая выступившие на глазах слезы, – почему именно я?

– Потому, что Гильгамеш в скафандр не помещается.

– А как же Жан? Он-то чем Вас не устраивает?

– Он будет накрывать стол к нашему возвращению.

– Это настолько важно?

– Ну, не знаю, как у тебя, юнга, а у меня после прогулки остается всего два желания – принять душ и хорошенько подкрепиться. Поскольку давиться консервами у меня нет ни малейшего желания, то Жан останется готовить, а ты пойдешь со мной.

– Да вы рехнулись!

– Что-то я не пойму, – Борис скрестил руки на груди и окинул меня критическим взглядом, – туристы выкладывают немалые деньги только за то, чтобы несколько минут поболтаться за бортом на коротком поводке, а тебе предлагают прогулку на пару часов, да еще тройной оклад впридачу, а ты недоволен! Боишься, что ли?

– Боюсь, но не за себя, – проклятье! Я безумно хотел побывать в открытом космосе, но ведь имелись и вполне объективные причины, в силу которых идея Бориса выглядела абсолютно абсурдной, – у меня же нет никакого опыта! Я же Вам только мешаться буду, да еще испорчу что-нибудь!

– Кончай прибедняться! – фыркнул старик, – ты же проходил курс подготовки в Гагаринском центре и даже в бассейне занимался. У тебя и свидетельство соответствующее имеется, разве не так?

Вот те на! Приехали! Выходит, что тайна моей личной жизни у нас упразднена окончательно. Интересно, что они еще успели про меня раскопать?

– Слушайте, иногда мне кажется, что вы знаете обо мне даже больше, чем я сам! – меня не на шутку задело, что в моих личных данных копаются все, кому не лень, – откуда вы все это выкапываете!?

– Старые связи, – уклончиво ответил Борис и сразу вернул разговор в прежнее русло, – так что базовые знания и навыки у тебя имеются, а большего и не потребуется. Основную работу я сам сделаю, а ты будешь мне ключи подавать. Справишься?

– Не знаю. Попробую.

– Вот и замечательно! – капитан хлопнул ладонями по столу, – так что сегодня займитесь-ка с Жаном подготовкой скафандра, и если все пойдет как надо, то завтра и прогуляемся. Хорошо?

Он взглянул на нашего повара, ожидая подтверждения, но тот его не слышал. Затуманенный взгляд нашего повара был направлен куда-то в дальние дали, и он определенно ни черта не слышал.

– Эй, Жан, – Борис ткнул его в бок, – я к тебе обращаюсь!

– Что? – очнулся тот, – pardon, задумался.

– О чем же?

– Подумать только, мы окажемся первыми за полвека людьми, которые встретятся, наконец, с живыми никарами! – повар мечтательно вздохнул, – ты, кстати, не в курсе, эта девчонка, она симпатичная?

– Я знаю только то, что ее дяденька – большая шишка. И галактический скандал мне совершенно не нужен, а потому слушайте-ка все сюда, – убедившись, что теперь никто не отвлекается, капитан продолжил, – мне, честно говоря, наплевать, что думают о нас окружающие, но наша гостья – представитель весьма щедрого клиента, потерять которого ни в коем случае нельзя. Поэтому встретить ее надо исключительно тактично и вежливо, чтобы никакого культурного шока с ней не случилось. Понятно?

Мы дружно угукнули.

– Исходя из всего сказанного, инструкции будут такие: встречать девчонку и развлекать ее светскими беседами будет Олег, а все остальные пусть сидят на своих рабочих местах и даже носа в коридор не кажут, пока она не отбудет восвояси.

Я только-только начал свыкаться с мыслью о завтрашнем выходе, как на мою голову свалилась новая напасть.

– Но почему опять я!? – в отчаянии я всплеснул руками и едва не заехал Гильгамешу в ухо.

– А кто, по-твоему, должен ее ублажать? Я, что ли? – Борис ехидно ухмыльнулся.

– Ну... быть может... – м-да, с присущей нашему капитану специфической манерой разговаривать нашей посетительнице может потребоваться переводчик. Тут он прав, людей с подобным лексиконом допускать до деликатных материй нельзя.

Я перевел взгляд на Гильгамеша и едва снова не поперхнулся, попытавшись представить чувства молоденькой девушки, vyplывающей из шлюза и натыкающейся на такого вот. Тоже не годится, да и экскурсовод из Гильгамеша никудышный. Из него каждое слово надо гвоздодером выковыривать.

Но тогда.

– А как же Жан!? У него-то язык хорошо подвешен. Уж всяко лучше моего.

– Oui, en effet, – с неожиданным пылом поддержал меня повар, – чем я тебя, Боров, не устраиваю?

– Вот если бы я все же *хотел* учинить грандиозный галактический скандал с последующим разрывом всех отношений еще лет на сто, то ты бы меня устраивал целиком и полностью. Но не сегодня. Не на этот раз.

– Да что с ним не так-то!? – не вытерпел я.

– Ты не представляешь себе, юнга, какой он жуткий бабник! Ни одну юбку мимо не пропускает! – Борис помотал лысой головой, – не-е-е-т, пусть лучше запретят у себя в камбузе и не высовывается. Я рисковать не хочу.

– Жан!? – от удивления меня аж перекосило, – бабник!?

При его лошадиной внешности подобное предположение выглядело совершенно абсурдным. На роль донжуана он совершенно не подходил.

Я бы на его месте старался по возможности вообще поменьше из дома выходить, чтобы девушек не распугивать, не говоря уже о том, чтобы завязать с какой-нибудь из них знакомство. Хотя... если существует *теоретическая* физика, то и Жан вполне мог быть бабником-теоретиком...

– Я никогда не понимал этих женщин, – Борис словно решил ответить на мой невысказанный вопрос, – никак в толк не возьму, что они в нем находят? Может, он какие феромоны особые источает, не знаю. Бабы липнут как мухи, честное слово. Вот только потом ему иногда от их мужей бегством спастись приходится. Так что спасибо, без его услуг обойдемся.

– Да ладно тебе, Боров, – чуть ли не взмолился повар, – я же не сумасшедший, понимаю, что к чему, слава Богу.

– Нет! – отрезал капитан, – знаю я твои благие намерения! Мне и прошлого раза достаточно. Ты при виде женщины соображать перестаешь начисто!

– А что случилось в прошлый раз? – мне стало вдруг интересно.

– Не напоминай, юнга, – Борис даже поморщился, – ты лучше о своих делах думай.

– Вам легко говорить! – насутился я, – на эту тему я никаких курсов не заканчивал, и мой опыт общения с девушками оставляет желать лучшего.

– Не беспокойся, мы тебя натаскаем.

– Жан, заткнись! – капитан крикнул и встал из-за стола, – держи свое непотребство при себе! А то научишь еще чему-нибудь эдакому. Идите, займитесь лучше скафандрами.

– D'accord, не кипятись! – Жан замахал на него руками, – уж и пошутить нельзя.

– Все твои шутки на эту тему, как правило, заканчиваются очень и очень печально, – Борис для порядка добавил еще пару крепких оборотов, – и хватит уже тут расслаживаться, дел еще полно!

– Ну что, Олежка, – Жан тоже поднялся, – допивай свой кофе и жди меня у лифта. Пойдем, подгоним тебе костюмчик.

Я уже имел дело со скафандрами в тренировочном центре. То были довольно старые модели, тяжелые и неуклюжие, но зато надежные и неприхотливые. Да, существовали более легкие и изящные конструкции, в которых можно было хоть балетом заниматься, но они имели и собственные недостатки. Стоили на порядок дороже, изготавливались индивидуально под каждого человека, который после этого был вынужден крайне внимательно следить за своей фигурой, чтобы иметь возможность этим скафандром пользоваться. Да и защиту от радиации они обеспечивали весьма условную, а потому применялись только на околоземных орбитах, а в дальнем космосе продолжали трудиться проверенные временем старички, громоздкие и неповоротливые как рыцарские доспехи.

Как выяснилось, между вариантом для занятий в бассейне, и тем, что предназначен для реального выхода в космос, имелась масса отличий. Однако главной морочкой, по крайней мере, для меня, являлась невесомость. Чертовски сложно забираться в этот кокон, когда и он и ты болтаетесь в воздухе. Ноги еще ладно – упираешься в верхний край проема и заталкиваешь себя вниз, а вот как быть с руками? Чем и во что упираться, чтобы протолкнуть их вперед, в рукава?

На мое счастье (или несчастье?), со мной был Жан, которому все мои страдания давали богатую пищу для нескончаемых шуток и издевок. Впрочем, вполне безобидных. Он подсказал мне, что, влезая в рукава, следует упираться затылком в заднюю стенку шлема, а потом опять вдоволь посмеялся, слушая мои чертыхания. В конце концов, он сам затолкал меня внутрь, при этом, как показалось, упираясь мне в спину коленкой.

– Ничего, – успокоил он меня, – вначале все мучаются, а потом, когда наловчишься, будешь все это самостоятельно проделывать.

– Очень надеюсь, что этот опыт мне не пригодится, – сварливо проворчал я, ворочаясь внутри шлема и пытаясь обо что-нибудь почесать затылок, саднящий после моих терзаний.

– Не болтай глупостей! Тебе наверняка понравится, каждый день будешь потом спрашивать, не надо ли опять зачем-нибудь выйти? – Жан взял меня за рукав и как большую беспомощную куклу развернул лицом к себе, – вытяни-ка руки вперед...

Так мы провозились с ним почти до самого обеда. За это время мы подогнали скафандр под мои размеры, подобрали пару подходящих перчаток и проверили, насколько хорошо я помню все процедуры, связанные с управлением работой этого «смокинга», как Жан его постоянно называл. По ходу дела, несмотря на данный капитаном наказ, неутомонный повар регулярно одаривал меня крупичками, а то и целыми комьями своей житейской мудрости. Главным образом в той ее части, которая касалась отношений с женщинами. Поначалу его откровения даже заставляли меня краснеть, но потом я плюнул на условности и откровенно веселился.

– Ты, главное, держи глаза открытыми и все подмечай, – доносился до меня откуда-то снизу голос Жана, занимавшегося моими штанинами, – женщины очень часто, сами того не осознавая, подают различные сигналы, которые надо уметь правильно интерпретировать. Взять, *par exemple*, их бесконечные украшения. Что, по-твоему, они означают?

– А разве украшения должны что-то означать? – я машинально пожал плечами, хотя в скафандре от этого жеста не было никакого толку, – так, для красоты... в их понимании.

– Зря ты так думаешь, Олежка. Во всем есть свой потайной смысл, – за стеклом шлема взметнулась рука Жана с воздетым вверх указательным пальцем, – они ведь свои побрякушки не абы куда прицепляют. Серьги – в уши, цепочку – на шею, браслет – на запястье. Почему.

– Просто выбор мест, куда что-нибудь повесить можно, небогатый. И потом, серьги не только в уши вдевают, но еще много куда.

– Я сейчас не о разных девиациях говорю, а об общей тенденции. Почему не на плечо, не на пояс, а?

– Никогда не задумывался.

– En vain! – Жан отпустил мою правую ногу и переключился на левую, – то есть знак!

– И что же он означает?

– Женщины инстинктивно стараются привлечь внимание к своим эrogenным зонам. Вот и нацепляют на них всякое блестящее, подсказывая тем самым, где спрятаны ключи к их благосклонности. Так что если увидишь у девушки браслет на щиколотке, – Жан похлопал меня по затянутой в металл и пластик голени, – то знай: кратчайший путь проходит именно через это место! Comprende?

– Oui, bien sQr!

– О! Ты знаешь французский?

– В школе учил. Уже и не помню почти ничего.

– То-то я смотрю, ты меня не переспрашиваешь, когда я путаюсь.

– А ты и в самом деле француз?

– Какое там! Я и в Париже-то всего один раз был.

– А откуда тогда столько французских слов?

– Дурацкая привычка. Ведь любой повар должен быть в душе немного французом, вот я и кривляюсь.

– Слушай, а если не секрет, – я решил удовлетворить свое любопытство, раз уж представилась такая возможность, – как такой классный мастер на «Берту» попал? Тебе бы министров да сенаторов кормить.

– А я и кормил. Раньше. Работал в ресторане при Академии Наук.

– И что же случилось?

– Мой напарник ученых мужей потравил, а мне пришлось за него отдуваться, поскольку смена была моя, – даже сквозь шлем я услышал, как Жан вздохнул, – один из потерпевших оказался исключительно злопамятным и влиятельным засранцем и сделал все возможное, чтобы испортить мне жизнь. Лицензии лишил. После его стараний меня не то, что поваром, даже посудомойщиком ни в одну столовую бы не взяли.

– Но сейчас-то ты работаешь, как же ты выкрутился?

– Никак. Формально я в данный момент – стюард, и максимум, что от меня требуется, так это разогреть консервы и размочить сублиматы. Этим можно и без лицензии заниматься. А что я ваяю в свободное от основной работы время, никого не касается. Все довольны и помалкивают.

– Понятно. А я уж думал, раз такое имя, и на иноземные слова то и дело срываешься, то и взаправду француз.

– На самом деле я Женя, а Жан – это так, прозвище. Как Боров или Гильгамеш.

– Как нашего капитана зовут на самом деле, я знаю, а что насчет Гильгамеша?

– Гильген. Ян Гильген.

– Ясно, – надо признать, прозвище подходило к его обладателю донельзя удачно, – а откуда он такой... взялся?

– Ты про Аборейские Рудники слыхал?

– Нет, а что это такое?

– Адское место, – Жан рывком затянул очередную лямку на моей ноге, – колония для пожизненно осужденных. Гравитация вдвое больше земной, а потому улететь оттуда невозможно. Если кто-нибудь и пробирается в транспортный корабль, то его потом с пола соскребать приходится. Так что там обходятся даже без охраны, заключенные предоставлены сами

себе. Перед отправкой новичков накачивают стероидами, чтобы сразу концы не отбросили, и – вперед. Дальше выживай, как сможешь.

– Как же за ними там следят?

– Pourquoi faire? В обмен на груженные рудным концентратом грузовики им присылают продукты, воду, кислород и все прочее, что необходимо. Не хочешь умереть с голоду – работай. Вот и вся система.

– Но причем здесь Гильгамеш?

– Его сослали туда по обвинению в убийстве, которого он не совершал. А когда выяснилось, что имела место судебная ошибка, что-то изменить было уже нельзя. Вот только он с этим не согласился и сбежал.

– Ты же сказал, что это невозможно!

– Да, но не для него. Он перепрограммировал один из транспортов, чтобы тот взлетал с меньшим ускорением (наш Гильгамеш с детства был гениальным техником), установил в трюме чан с водой, забрался в него и так стартовал. Его здорово потрепало, но он выжил. Полгода в больнице провалялся, но выжил.

– Бывает же...

– И не говори! – Жан потянул меня вниз, пока моя голова в шлеме не оказалась перед ним, – ну как, костюмчик нигде не жмет?

– Все отлично! – я вытянул вперед руку с поднятым большим пальцем, – сидит как влитой!

– Смотри внимательней! – он строго нахмурился, что выглядело несколько комично, – а то во время выхода выяснится, что где-то натирает или еще что, а поправить уже нельзя. И будет у тебя несколько часов маеты вместо нормальной работы.

– Да нет, все нормально.

– Но ты все равно, покрутись немного, пошевели конечностями, вдруг что и вылезет, а я пока побежал.

– Куда!? – ошарашено вытаращился я на него.

– На кухню, обед готовить, – Жан, ехидно ухмыляясь, оттолкнул меня, и я поплыл по коридору, – а ты, Олежка, когда выберешься. *если* выберешься, полистай еще разок руководство, освежи свои познания. Au revoir!

Он скрылся за углом лифтовой шахты, а я, стукнувшись шлемом о какую-то трубу, начал неспешно переворачиваться вниз головой. Проклятье! Я же понятия не имею, как в одиночку снимать скафандр! А если я тут застряну? Интересно, остальные придут меня проведать или же воспользуются моментом и таки слопают мою порцию?

После обеда Борис собрал нас всех на причальном уровне, где вывел на голопроектор схему нашей драги, и мы приступили к проработке программы завтрашнего выхода. Гильгамешу предстояло управлять манипулятором, а Жан отвечал за общую координацию. Мы плавали вокруг проекции, и капитан заставлял меня вертеться так, словно я и в самом деле работал снаружи. Каждое наше движение проговаривалось вслух, а Жан отмечал все в своем планшете, прикидывая требуемое время и пометая, какое снаряжение нам потребуются. Борис то и дело его останавливал и предлагал рассмотреть ситуацию «а что, если...». Ну, там, болт откажется откручиваться или кабель подключаться не захочет. Он крайне тщательно относился к подобным мелочам. Ведь если что-то упустишь, то сбегать домой за забытым инструментом уже не получится.

Для остальной команды подобная репетиция, возможно, и была привычной, а вот я здорово вымотался. Не стоило затевать все эти кувыркания сразу после еды, мое пищеварение такого отношения к себе не одобряло. Хотя на сей раз решило особо не бунтовать. Подумать только, а завтра мне предстоит все те же самые акробатические трюки проделывать в

скафандре, который весит вдвое больше меня! Да еще с целым чемоданом инструментов под мышкой!

Мой энтузиазм несколько поугас, но на мою кислую физиономию никто не обращал внимания. Может, оно и к лучшему. Не люблю, когда во мне разочаровываются заранее.

В день выхода подъем был ранним, а завтрак – легким, и наша команда сразу же занялась подготовкой к прогулке. Не могу сказать, что всю ночь не спал, но определенное волнение все же ощущалось, и по мере приближения решающего момента, мой мандраж постепенно нарастал.

Накануне вечером Жан зарядил, заправил и проверил оба скафандра, и теперь они висели в шлюзовом отсеке, распластанные по стенам, как два бездельника на пляже. Процедуры, связанные с их одеванием, проверкой всех систем, герметизацией и последующей декомпрессией, к счастью, отвлекали меня от тревожных раздумий, но после того, как Жан задраил внутренний люк, и мы с Борисом остались одни, волнение накатило с новой силой.

– Ну что, юнга, – послышался в шлемофоне трескучий голос капитана, – поджилки трясутся?

Честное слово, мне иногда кажется, что он обладает какими-то скрытыми телепатическими способностями. Или же это в нем говорит богатый опыт?

– Есть немного, – признался я. Глупо скрывать очевидное.

– Это нормально, – он ободряюще толкнул меня в плечо, – только дураки ничего не боятся.

– Ага! Расскажите это моему мочевому пузырю!

– Не беспокойся, подгузники все впитают. Адреналин – штука полезная. Улучшает реакцию, повышает выносливость и болевой порог. Естественная реакция организма на стресс.

– Думаете, мне сильно легче от Ваших лекций?

– Разумеется! – было слышно, что Борис смеется, – ты даже не заметил, как шлюз разгерметизировался.

Он дернул красный рычаг запора и, упершись ногами в стену, потянул на себя внешний люк. Тот беззвучно распахнулся, явив моему взору бездонную черноту. Только пылинки, освещенные лучом прожектора, искрились, словно снежная пороша.

Вот те на! Я, действительно, ничего не заметил! Сейчас, задним числом, я вспомнил, как скрипел мой скафандр, распираемый внутренним давлением, но тогда не придавал этому значения. А сейчас я уже смотрел в бездну космоса, от которой меня отделяли лишь стекло шлема и тонкая ткань перчаток.

Я попробовал пошевелить руками. Теперь это давалось не так-то просто. Словно к каждому моему суставу прикрепили резиновый жгут, стремящийся вернуть его в исходное положение. Приходилось прикладывать пусть и не особо большое, но постоянное усилие даже только для того, чтобы удерживать пустую руку в согнутом состоянии.

Хорошо, что скафандр проектировался с таким расчетом, чтобы расслабленные руки сами собой повисали у меня перед носом, где и будет выполняться львиная доля всей работы. Уф!

– Так, ты ничего не забыл, юнга? – голос капитана прервал мои исследования, – у тебя постоянно должны быть две точки крепления. Два фала или фал и рука, понятно?

– Да.

– Наша «Берта» крутится сейчас достаточно энергично, и если ты отцепишься и улетишь, то поймать тебя мы при всем желании не сможем.

– Ясно.

– Тогда – вперед!

Борис зацепил один из карабинов за поручень по ту сторону люка и ловко выскользнул наружу. Мне хватило ума сообразить, что при всей кажущейся легкости его движений, повто-

ритель такой маневр у меня не получится. За плечами у капитана были десятки, если не сотни выходов, а у меня лишь пара купаний в бассейне. Так что тут уж не до балета, не врезаться бы во что-нибудь.

Я осторожно подплыл к проему и тоже защелкнул на поручне свой страховочный фал, после чего медленно высунулся в люк по пояс, держась руками за его край. Вот тут-то и выяснилось, что между тренировками в бассейне и реальным выходом все же имеется весьма существенная разница.

Там, под водой, я хоть и плавал как в невесомости, но все равно, постоянно чувствовал, где верх, где низ и более-менее представлял себе свое положение в пространстве. Но здесь направлений не существовало, и, выглянув в люк, я ощутил себя смотрящим в распахнувшееся под моими ногами дно лифтовой кабины. Впереди раскинулась бездонная пропасть, и я в нее падал, падал...

Я изо всех сил зажмурился и крепко вцепился обеими руками в поручень, переводя дух. Мне упорно казалось, что если я разожму пальцы, то непременно сорвусь. Нестерпимо закружилась голова, и к горлу подкатил такой знакомый приступ тошноты. О, Господи, только не в скафандре!

Чтобы хоть чем-то себя отвлечь, я на ощупь закрепил на трубе и второй фал. Две прочных ленты, каждая из которых выдерживает больше тонны.

– Ты в порядке, юнга? – мое замешательство не осталось незамеченным.

– В относительном, – процедил я, не разжимая зубов.

– Не торопись. Сориентируйся. И не смотри по сторонам, только прямо перед собой, тогда будет легче, – капитан определенно знал, что я чувствую, и как с этим бороться.

– Хорошо, попробую.

Я опустил взгляд и провел им вдоль обреза люка, чтобы успокоиться и восстановить ориентацию в пространстве. Так, ясно, мы находимся на боковой поверхности причального уровня. Вот сбоку видна уходящая в темноту мачта жилого отсека, а значит в противоположной стороне находится мачта реакторного. Я повернулся кругом, и передо мной предстала темно-вишневая громада звезды, вокруг которой обращалась «Берта». В лицо дохнуло теплом, как от разогретой печки. Далеко внизу вспыхивали сигнальные огни реакторного блока, почти неразличимого на фоне проносающегося мимо бордового океана. На поверхности звезды отсутствовали хоть какие-то ориентиры или детали, а потому реальная скорость несколько скрадывалась, но при взгляде в сторону становились видны кружащие вокруг нас звезды, расставляя все по своим местам.

Более шестисот километров в секунду! Безумие! Воплощенное безумие!

– Юнга, ты там что, заснул? – я даже вздрогнул, словно и впрямь задремал.

– Никак нет! Готов двигаться дальше!

– Карета подана, забирайся.

Я сделал глубокий вдох, сосредотачиваясь на работе и восстанавливая в памяти проработанную накануне программу действий. Головокружение прошло, осталась только легкая ошарашенность от внезапного осознания реальных масштабов приключения, в которое я попал. Я, впрочем, пока еще не определился, каким словом следует описывать происходящее со мной: «повезло» или «влип». Ну да это подождет.

Откинувшись немного назад, я увидел прямо над собой штангу манипулятора, к окончательному кронштейну которой уже успел прицепиться Борис. Он помахал мне рукой и сделал вид, будто подвигается в сторону, чтобы освободить мне место. Я помахал ему в ответ, подтянул к себе сумку с инструментами и отцепил один из карабинов. Упасть я больше не боялся.

Не буду утомлять Вас подробностями нашей дальнейшей работы, поскольку никаких новых ярких переживаний они не принесли. Когда ты полностью сосредоточен на деле, отвлекаться на посторонние эмоции уже некогда, а Борис старался, чтобы я постоянно был чем-

нибудь занят. Да и Жан, непрерывно комментирующий для страховки наши действия, не давал заскучать.

У меня вообще порой складывалось впечатление, что мы с капитаном никуда и не уходили, а возились на станции вместе с остальными – настолько сильно было ощущение присутствия Жана и Гильгамеша рядом с нами. На каждое мое движение следовал комментарий повара, подсказывающего, что и как делать дальше. Стоило только Борису попросить подвинуть нас на полметра вперед, как манипулятор мягко толкал нас под колени. Никогда в жизни, пожалуй, я так ясно не ощущал это «чувство локтя», которое успокаивало и придавало сил. И я ни на секунду не усомнился в том, что у нас все получится. Задача-то на самом деле была совершенно пустяковой.

Гильгамеш поднес нас настолько близко к закрепленному на крепежном кронштейне переходнику, насколько это было возможно. Дальше мы с Борисом прошли несколько метров «пешком» и зацепились фалами за переходник – каждый со своей стороны. После этого Жан разомкнул его крепление, и мы поволокли этот огрызок трубы назад, к манипулятору.

А там было уже совсем просто – Гильгамеш перенес переходник вместе с нами к стыковочному шлюзу, установил его на место и понес нас с капитаном обратно, к люку, из которого мы вышли.

На сей раз я смог немного расслабиться, осознавая, что работа сделана, и спокойно осмотреться. Гильгамеш вел манипулятор по широкой дуге, огибающей причальный уровень «Берты», и отсюда, с некоторого удаления, я мог ее как следует рассмотреть. Громада драги, словно чешуей укрытая пластинами микрометеоритной защиты, освещалась прожекторами лишь в некоторых местах, а большая ее часть бесследно тонула во мраке. Кое-где из темноты выныривали захваченные пучками света штанги антенн и панели радиаторов. Поскольку их основания терялись в тени, казалось, что они просто висят в пустоте.

Вверх и вниз от короба причального уровня уходили ажурные лифтовые мачты. В том месте, где они крепились к корпусу станции, громоздились хитроумные конструкции, состоящие из огромных барабанов, шкивов и рычагов непонятного предназначения. По всей видимости, то были агрегаты, на манер огромной швейной машинки сшивающие вместе ленты, из которых формировалась мачта. Я с детства терзался вопросом, как функционирует сие чудо механики, но так до сих пор этого и не понял. Сколько я их не разбирал и сколько поясняющих схем не рассматривал. Быть может, мне просто не дано понять...

Посмотрев влево, я мог разглядеть среди плывущих звезд несколько неподвижных огоньков, отмечавших местоположение жилого модуля. Черная нитка фермы терялась из виду уже в паре сотен метров, а потому казалось, что он движется независимо от нас. Ту часть фермы, что вела в противоположную сторону, на фоне багрового океана звезды было видно достаточно неплохо, как и черный набалдашник реакторного модуля.

Подумать только, вся конструкция вытянулась аж на четыре километра, а обслуживают ее всего четыре человека. По одному на километр. И до ближайшей населенки лет сто световых, не меньше. При этой мысли у меня внутри что-то съежилось, и я ощутил странный приступ одиночества. Путешественник, заплутавший посреди Сахары, в сравнении с нами мог считать себя находящимся в гуще буйной вечеринки! А если еще и отвернуться, чтобы «Берту» не было видно, то.

Я разблокировал стопор и развернул якорь, за который крепились мои ботинки, на 180 градусов. Теперь, если я посмотрю прямо перед собой, то не увижу ничего, кроме бездонной черноты звездного неба. Однако в самый последний момент я заколебался. Невольно вспомнились опасения, высказывавшиеся в преддверии первого выхода в открытый космос. В числе прочего высказывались предположения, что человек, лишившись абсолютно всех ориентиров, и оказавшись висющим в пустоте, лишится рассудка, поскольку его разум никогда не сталкивался с подобной ситуацией и совершенно к ней не готов. Алексей Леонов блестяще опроверг

все эти кажущиеся теперь смешными и наивными домыслы, но меня все равно что-то удерживало.

К черту! Я же здесь не для того, чтобы трястись от страха! Страшно было, когда я впервые стартовал на челноке, когда на обратном пути мы входили в атмосферу, когда я сегодня высунулся в открытый люк. Но сейчас – не дожидетесь! Люди идут в горы, прыгают с парашютом и скачут на каяках по порогам не для того, чтобы бояться, а для того, чтобы обуздать свой страх и получить ни с чем не сравнимое удовольствие от бушующего в крови адреналинового шторма. А чем я хуже?

Я слегка откинулся назад, и за стеклом моего шлема раскинулась бескрайняя чернота, мчащаяся мне навстречу с сумасшедшей скоростью. Мне даже показалось, что мои волосы треплет набегающий ветер.

– Поручень отпусти, – негромко подсказал Борис.

– Что? – я не сразу понял, о чем это он.

– Иначе ты не получишь всей полноты ощущений. Отпусти поручень.

– Отпустить!?! – опешил я, – а как же две точки крепления и все такое? Вы же сами меня инструктировали!

– Я приказал, и я же разрешаю нарушить. Отцепляйся.

Борис определенно знал меня лучше, чем я сам. Он прекрасно понимал, о чем я думаю, и какие чувства испытываю. Ведь он выбрал именно этот момент не случайно, он знал, что я к нему готов. Когда я отпустил поручень, я тем самым перешагнул некий порог, за которым лежала свобода. Странное, полубезумное и пьянящее чувство наслаждения данным мгновением при полнейшем безразличии к своей собственной судьбе.

Упрямый и неуклюжий скафандр сопротивлялся, но я все же раскинул руки в стороны, насколько это было возможно. Мне хотелось обнять этот бескрайний Космос, вобрать его в себя, слиться с ним и стать его частью. Я засмеялся. Мир мчался мне навстречу со скоростью нескольких сотен километров в секунду, и автогонщики, жгущие резину на асфальтовых трассах, выглядели в сравнении со мной сущими черепахами.

Я больше не падал – я летел!

– ...Жан, я тебе русским языком сказал, сиди на кухне и не высовывайся! – раздраженно прорычал Борис, повысив тем самым температуру в столовой еще на пару градусов, – если бы умел, повторил бы и по- французски, но, увы. Что непонятно?

– Ну почему нельзя хоть одним глазком-то взглянуть? – чуть ли не хнычущим голосом взмолился наш повар.

– Ага, конечно! Сначала одним глазком, потом другим, а там и до распускания рук недалеко.

– Я буду держать себя в рамках, клянусь!

– В прошлый раз ты тоже клялся.

– Не надо путать Сфинкса со сфинктером!

– Или ты забыл, за что тебя из ресторана выперли?

– Нет, не забыл, – Жан даже немного сбавил темп.

– А какая здесь связь? – встрял я, – что-то я не улавливаю...

– Он тебе не рассказывал? – Борис повернулся ко мне, – порасспрашивай его на досуге, юнга, узнаешь массу интересного.

– Я знаю, что его сменщик кого-то там потравил здорово, но.

– А где он сам в это время прохлаждался, не объяснил? – капитан прищурился и погрозил Жану пальцем, – все, абсолютно все его беды – из-за баб!

– Но я же не знал, что она – его жена! – взмолился повар.

– А если бы и знал – удержался?

– Ну-у-у... она же такая appetissant!

– Радуйся лучше, что ее благоверный тебе только карьеру сломал! Я бы на его месте сломал тебе шею.

– Какой же ты, Боров, циник! – окончательно поникший Жан подпер рукой подбородок и уставился в потолок, – никакой в тебе романтики.

– Лучше быть циником, чем трупом, – заключил капитан, – а ты, Жан, и не романтик вовсе, а самый натуральный сексуальный маньяк-самоучка. Сиди-ка лучше под замком! Если совсем невтерпеж, то смотреть и даже подслушивать можешь через камеры наблюдения.

– Тьфу, черт! – я только сейчас сообразил, что вся команда будет внимательнейшим образом следить за моим позором, сидя в креслах и хрустя попкорном, – вуайеристы несчастные!

Столовая взорвалась приступом дружного хохота, и даже Гильгамеш хрюкнул пару раз.

– Что ты, вообще, так к ней рвешься, Жан? – продолжал недоумевать капитан, – мы всего третий день на вахте, а ты как будто уже по женскому обществу соскучился.

– А тебе, Боров, разве не интересно?

– Да что такого архиинтересного в какой-то посторонней девчонке, чтобы прямо с ума сходить?

– Но она же никарка! Настоящая живая никарка! – Жан в эмоциональном порыве вскинул вверх руки, – их ведь более полувека никто в глаза не видел!

– И что с того?

– У них там два поколения сменилось вдали от Земли и от Солнца. Они родились и выросли в космосе, в невесомости, и не могли не измениться.

И я хочу знать, как далеко ушла их эволюция! У меня, вообще, чисто научный интерес.

– По-твоему у них что, антенны на голове вырасти должны? Или маленькие реактивные двигатели на заднице?

– Хватит подкалывать, – насупился Жан, – съешь горохового супа побольше – и у тебя самого реактивная тяга появится.

– Тогда чего же ты ожидаешь увидеть?

– Que sais-je?! Я не прорицатель.

– Не-е-ет, так не пойдет, – Борис подался вперед и положил руки на стол, – в этом вопросе необходимо разобраться. А то кто знает, вдруг из шлюза и впрямь какое-нибудь чудище с клешнями и щупальцами вылезет. И все, прощай, наш юнга! Что скажешь? – и он, ехидно ухмыляясь, повернулся ко мне.

– Умеете же вы наполнить оптимизмом своих подчиненных, – я с тоской заглянул в свою чашку. Остатки моего аппетита словно корова языком слизала. А если наша гостья действительно страхолюдиной окажется? Смогу ли я продолжать мило улыбаться и вести с ней непринужденную беседу? Или меня стошнит от одного ее вида?

– Ты на фантазии Жана внимания не обращай, мы будем исповедовать научный подход. Вот ты, как самый здравомыслящий из нас, как считаешь? Каких отличий никаров от обычных людей можно ожидать? Даже один год, проведенный в невесомости, подчас вызывает в организме необратимые изменения, а тут речь идет о целом поколении.

– Ну, во-первых, – я рассеянно подергал себя за ухо, – судя по тому, что они все еще живы, эти отличия не должны быть очень уж сильными. За столь короткий срок сколь-либо значимые перестройки в генотипе невозможны, так что о нежно-зеленой чешуйчатой коже и антеннах на голове можно забыть.

– Жаль, – Жан печально вздохнул.

– Речь можно вести лишь о том, что укладывается в рамки обычной изменчивости под воздействием внешних факторов.

– Складно излагаешь, продолжай, – кивнул Борис.

– Фактор первый – невесомость. В отсутствие силы тяжести можно ожидать, что никары окажутся выше ростом, но более худощавые, по причине отсутствия существенных нагрузок. Их кости будут более ломкими.

– Надеюсь, у тебя хватит ума не проверять на практике данный тезис? – усмехнулся капитан, – давай дальше.

– Фактор второй – отсутствие солнечного света. Как следствие – бледная кожа и нехватка витамина D, а из-за постоянного пребывания в замкнутом помещении при искусственном и почти наверняка недостаточном освещении очень вероятно развитие близорукости.

– Рахитичные очкарики, – резюмировал Борис, – ну что, Жан, все еще жаждешь познакомиться с нашей гостьей?

– Bien sQr! Мне нравятся женщины в очках, да. А, кроме того, у них на станции вполне могут иметься солярии...

– Так, умолкни! Еще мысли есть, юнга?

– Необходимо учитывать и социально-экономические аспекты, – я определенно вошел во вкус, – ограниченные ресурсы не позволяют никарам особо шиковать. Так что я считаю, что они носят исключительно утилитарную одежду, без излишеств, присущих земной моде. Да и с пышными прическами в невесомости не очень-то развернешься.

– Вот-вот, Жан! – обрадовано воскликнул Борис, – она еще и обритая наголо будет!

– Зато в невесомости хорошо отрастают волосы на пятой точке. Ты же ей почти не пользуешься, верно? Можно косички заплетать, прически всякие городить, завивку.

– Сгинь, извращенец! – капитан погрозил ему кулаком, – давай дальше, юнга. Не обращай внимания на нашего юродивого.

– Ну, я так категорически ничего не утверждаю, – попытался я немного смягчить эффект, – это только общие соображения.

– Но тенденция ясна. Тощая, бледная, лысая. попробуешь приобнять – все ребра переломашь. Душераздирающее зрелище, – капитан поднял вверх указательный палец, – а посему, ради сохранения вашего душевного и психического здоровья, как я вам и говорил, сидите-ка тихо по своим норкам, пока эта особа не отбудет восвояси. Понятно?

– Яснее некуда, – вконец разочарованный Жан поднялся из-за стола и понуро побрел к мойке.

– Не расстраивайся, Олежка, – ткнул меня в плечо Гильгамеш, – мысленно мы будем с тобой.

– И не забывай про тройной оклад, – напомнил Борис.

– Не забуду, – буркнул я, прикидывая тем временем, хватит ли у меня в аптечке пластыря, чтобы заклеить все камеры на причальном уровне.

В конечном итоге я не стал особо мудрить и просто-напросто заблокировал доступ к сигналу с камер для всех терминалов, кроме своего собственного и кроме системы регистрации. Если и случится что-нибудь из ряда вон выходящее или хотя бы интересное, то можно будет посмотреть попозже. Борис, конечно, неистовствовал, но недолго и не очень сильно – челнок с нашей гостьей уже причалил к стыковочному узлу, и махать кулаками было поздно. Куда больше страданий доставлял скулеж Жана, из-за которого мне, в конце концов, пришлось вообще отключить рацию.

Теперь я, вымытый, выбритый и надевший свою лучшую рубашку, висел перед закрытым внутренним люком, за которым кто-то копошился и лязгал замками, чувствуя, как во мне потихоньку нарастает паника. Приближение встречи с загадочной незнакомкой пугало меня куда сильнее, чем приближение лихтера никаров, несмотря на то, что тот выглядел куда более устрашающе.

Для капитана это зрелище, быть может, являлось вполне привычным, но у меня при виде надвигающейся на нас махины, заслонившей собой полнеба, даже свело судорогой желудок.

Огромный, черный, утыканный вспыхивающими сигнальными огнями, которые ни черта не освещали, а только подчеркивали исполинские размеры лихтера. Борис включил прожекторы, но их лучи смогли осветить лишь небольшой пятачок вокруг стыковочных кронштейнов, да край разинутой пасти заборного раструба, отчего вид стал еще более жутким.

Шутка ли – состыковать две махины, каждая из которых весит несколько тысяч тонн, и которые при этом несутся по орбите с сумасшедшей скоростью. Наша «Берта» с развернутыми штангами была практически лишена возможности для маневрирования, а потому вся ответственность ложилась на плечи пилота лихтера. И я, наблюдая за тем, как Борис нет-нет, да и потянется к джойстикам, прекрасно его понимал. Это как ехать на переднем сиденье в машине с автопилотом и рефлекторно давить ногой в пол, когда у тебя перед носом выскакивает какой-нибудь шустрик. Нервничаешь иногда даже сильнее, чем когда сам за рулем.

Но, к счастью, волновались мы напрасно. Кто бы ни сидел за штурвалом лихтера, дело свое он знал отлично. Кронштейны медленно и мягко вошли в стыковочные захваты, и те, захлопнувшись, надежно скрепили два корабля воедино. Мы здесь, на жилом уровне, даже ничего не почувствовали.

– С приездом! – Борис хлопнул в ладоши и нажал кнопку на интеркоме, – Гильгамеш, теперь они твои!

Дальше начиналось колдовство нашего техника, связанное с согласованием режимов погрузки, забросом пробной партии для анализа и прочая и прочая, а нас с капитаном теперь больше занимал другой пункт программы.

– Ну что, юнга, готов проявить себя в роли экскурсовода?

– Никак нет!

– Тогда я даю им зеленый свет. Пусть высылают свой челнок, – старик пробежал пальцами по панели, и почти сразу же получил ответ с лихтера, – вот, смотри-ка, какие нетерпеливые. Ориентировочное время – минус двадцать минут, – он повернулся ко мне, – а почему ты еще здесь?

Мне ничего не оставалось, кроме как обреченно вздохнуть и поковылять к лифту...

Огонек на панели управления шлюза сменил гнев на милость и загорелся зеленым, сигнализируя о выравнивании давления. Я перекрестился, провел рукой по взъерошенной после мытья шевелюре и повернул запорный рычаг. Люк распахнулся, и мне в глаза ударил яркий свет, в котором, словно в мистическом ореоле виднелась человеческая фигура.

– Здрасьте! – сказала фигура озорным девичьим голоском.

– Привет! – отозвался я, прикрывая глаза ладонью.

– А почему у вас тут так темно? Экономите, что ли?

– Нет, просто я, э-э-э, – вот тебе и прокол номер раз. Я же специально приглушил свет, памятуя о нашем вчерашнем обсуждении. И обманулся, – сейчас поправим!

Я подплыл к панели управления и крутанул регулятор на максимум, заставив все лампы ярко вспыхнуть. Обычно мы никогда не включали освещение на полную мощность, но мне не хотелось ударить в грязь лицом. Развернувшись, я насчитал еще несколько прорех в своих логических построениях, которые возводил накануне.

Девчушка, действительно, выглядела довольно высокой, но отнюдь не тощей. Не поймите меня неправильно, я не хочу сказать, что она была толстушкой, но вот слово «тощая» к ней совершенно не клеилось. На ней был надет светло-голубой облегающий комбинезон, позволявший оценить пропорции ее фигуры, и пропорции эти выглядели весьма... пропорционально. Вторым, что отпечаталось у меня в памяти, были ее любопытные глаза, посаженные так широко, что я, пожелаю поймать ее взгляд в более интимной обстановке, вполне мог заработать себе косоглазие. Правильно очерченное лицо оказалось на удивление смуглым, что не очень вязалось с прямым, почти греческим носом, а жесткие волосы, темные, но с явным

рыжим отливом, топорщились в стороны озорными пружинками, подрагивающими при каждом движении.

Я запоздало сообразил, что в числе поселенцев «Джордано» присутствовали и чернокожие и азиаты, а потому мне не стоило так безапелляционно судить о цвете кожи никаров. И да, очков на ней также не оказалось.

– Я – Кадеста, а тебя как величать?

– Олег, – ответил я машинально.

– Щелк! – сказала девчонка и почему-то хихикнула.

– Что такое? – очнулся я от раздумий.

– На память, – улыбнулась она, – потом дяде Оскару покажу. Уж больно у тебя вид был озадаченный. Ты кого ожидал встретить – то?

Только сейчас я разглядел у нее за правым ухом дужку гарнитуры с поблескивающим глазком объектива. Ох, как же я не люблю, когда меня фотографируют! У меня постоянно физиономия какая-то кривая получается, что с ней ни делай.

– Просто ребята вчера дурака валяли, – объяснил я, – придумывали вам всякие антенны на головах и прочую ерунду. Я-то понимал, что увижу вполне обыкновенного человека, только, быть может, более изможденного, что ли.

– Отчего же изможденного? – удивилась Кадеста, – на мой взгляд, так это ты какой-то замученный.

– Да, есть немного. Не выспался, – я плюнул на все и решил не изобретать тем для разговора, покорно следуя за его естественным течением, – вчера у нас выход был, и у меня после него к вечеру руки и плечи разболелись. Никак заснуть не мог.

– Что же вы там такое тяжелое таскали?

– Стыковочный адаптер для твоего челнока.

– О! Извини, если это по моей прихоти вам пришлось так мучиться! Что-то не заладилось?

– Не бери в голову, все нормально. Просто в этих скафандрах в любом случае устаешь, а я к таким вещам пока не успел привыкнуть.

– Что же у вас за скафандры такие? – удивилась Кадеста, – почему ты в них устаешь?

– Какие? – не понял я, – самые обычные.

– Покажи.

Пожав плечами, я развернулся и поплыл по коридору в сторону выходного шлюза. Мне было совершенно безразлично, чем развлекать нашу гостью, лишь бы отведенное на экскурсию время поскорее закончилось.

Наши с Борисом «костюмчики» висели на своих обычных местах, притянутые к стенам резиновыми жгутами.

– Вот, – я вплыл внутрь отсека и, остановившись посередине, не без гордости заметил, – тот, что справа – мой.

– Какие чудные! – хихикнула Кадеста, – точь-в-точь два медвежонка.

Я даже немного оскорбился столь легкомысленным комментарием. На медвежат наши скафандры совершенно не походили. Девчонка, по-видимому, в своей жизни имела дело исключительно с плюшевыми вариантами упомянутых животных.

Кадеста, не обращая внимания на мой насупленный вид, проскользнула мимо и прижалась носом к стеклу одного из шлемов, загораживаясь ладонями от постороннего света.

– Эй! Есть кто дома? – она снова хихикнула и повернулась ко мне, – как же вы в них забираетесь?

– Со спины, – угрюмо проворчал я.

– Неудивительно, что вы устаете. Целый дом на себе таскаете, словно улитка. И впрямь чудно!

– А какие скафандры у вас? – мне стало любопытно, – разве другие?

Да, я помнил, что существуют костюмы индивидуального пошива, но соответствующая технология покинула стены лабораторий относительно недавно и до сих пор не получила широкого распространения. Вряд ли никары имели к ней доступ. Вполне возможно, что они разработали какие-то собственные варианты и конструкции, и мне показалось разумным с ними ознакомиться.

Я предполагал всякое, однако оказался совершенно не готов к тому, что произошло в следующее мгновение. Кадеста повернулась кругом, расставив руки в стороны, и сказала:

– Вот такие. Ужели не видишь?

Я открыл рот, собираясь что-то ответить, но потом закрыл его, так и не найдя подходящих слов. То, что я принял поначалу за обыкновенный комбинезон, оказалось на самом деле полноценным скафандром, только без шлема. Ободок вокруг шеи, принятый мной за декоративный элемент, являлся замком для его присоединения, а поблескивающие манжеты на рукавах служили для фиксации перчаток. Теперь, задним числом, я разглядел еще целый ряд подробностей – непонятные металлические клипсы на плечах и бедрах, крепеж для ранца на спине, жесткий корсет, выглядывающие из-за воротника разъемы – которые указывали на отнюдь не простую природу костюма. Но, черт меня подери, насколько же изящно он сидел на девушке, насколько легки и естественны были все ее движения! В таком наряде вполне можно было выступать на соревнованиях по художественной гимнастике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.